

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ЦВЕТ ВОЛШЕБСТВА

The Colour of Magic

Плоский мир

Терри Пратчетт
Цвет волшебства

«ЭКСМО»

1983

Пратчетт Т.

Цвет волшебства / Т. Пратчетт — «Эксмо», 1983 — (Плоский мир)

ISBN 978-5-699-15629-0

Это Великий А'Туин, Вселенская Черепаха, которая бороздит безбрежный космос. Это четыре слона, которые держат на спинах Плоский мир. А это Ринсвинд, самый трусливый волшебник на Диске, и Двацветок, первый турист Плоского мира. Неисчислимые тролли, драконы, волки и Смерть (одна штука) поджидают их в скитаниях по дотоле неведомой нам сказочной вселенной.

ISBN 978-5-699-15629-0

© Пратчетт Т., 1983

© Эксмо, 1983

Содержание

Цвет волшебства	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Терри Пратчетт

Цвет волшебства

Цвет волшебства

В далеком и далеко не новом комплекте измерений, в том крыле космоса, которое никогда не предназначалось для полета, клубящиеся звездные туманы дрожат, расступаются и...

Смотрите...

То приближается Великий А'Туин, черепаха, медленно плывущая по межзвездному проливу. На Ее могучих лапах инеем застыл водород, Ее гигантский и древний панцирь изрыт метеоритными кратерами, а глаза величиной с два моря, покрытые слизью и астероидной пылью, неотрывно глядят в сторону Цели.

В Ее мозгу, превышающем размерами город, с геологической медлительностью ворочаются мысли, и все они – о Бремени.

Большую часть Бремени составляют Берилия, Тубул, Великий Т'Фон и Джеракин – четыре исполинских слона, на чьих широких, загорелых под светом звезд спинах покоится диск Плоского мира, окаймленный пенистой гирляндой грандиозного водопада и накрытый нежно-голубым куполом Небес.

О чем думают слоны, астропсихологии установить не удалось.

Существование Великой Черепахи было всего лишь гипотезой, пока небольшое и очень скрытное королевство Крулл, чьи горы выступают над самым Краепадом, не построило на вершине одного из утесов подъемное устройство, состоящее из стрелы и блоков. С помощью этого механизма за Край в латунном корабле с кварцевыми стеклами были опущены несколько наблюдателей, в задачу которых входило проникнуть за пелену тумана.

Эти первые астрозоологи долгое время провисели в космосе, пока огромные отряды рабов не вытащили их обратно. Ученые сумели собрать обширную информацию о природе и образе Великого А'Туина и слонов, однако даже это не разрешило фундаментальных вопросов, касающихся природы и цели вселенной.

Вот к примеру, какого все-таки пола Великий А'Туин? Согласно неимоверно авторитетным заявлениям астрозоологов, на этот жизненно важный вопрос невозможно будет ответить до тех пор, пока не будет сооружен более крупный и мощный подъемник для космического корабля глубокого погружения. Пока же остается лишь размышлять об уже познанном вселенском пространстве.

В среде академиков бытовала и была особенно популярна теория о том, что Великий А'Туин пришел ниоткуда и будет во веки веков равномерно ползти или размеренно продвигаться в никуда.

Альтернативная теория, пользующаяся поддержкой религиозно настроенных умов, утверждала, что А'Туин ползет от Места Рождения к Брачной Поре, как и все остальные звезды на небе, которые, очевидно, также передвигаются на спинах гигантских черепах. Когда же космические рептилии наконец сойдутся, наступит краткий и страстный сезон любви, первый и последний в их жизни. От этого пламенного союза родятся новые черепахи, которые понесут на своих панцирях обновленный комплект миров. Данная теория была известна под названием «гипотеза Большой Случки».

Так вот и вышло, что молодой косморептилиолог из фракции Размеренного Продвижения, испытывая новый телескоп, с помощью которого он надеялся измерить точное альbedo правого глаза Великого А'Туина, оказался в этот судьбоносный вечер первым сторонним

наблюдателем, заметившим, что над самым старым городом Плоского мира поднимается дым пожара.

Однако потом ученый так увлекся своими расчетами, что все увиденное полностью вылетело у него из головы. Тем не менее он был первым.

Хотя были и другие...

Пламя с ревом неслось по двуединому городу Анк-Морпорку. Там, где его язычки лизали Квартал Волшебников, оно пылало синевою и зеленью, разбавленными необычными искрами восьмого цвета, октарина. Там, где передовые отряды пожара проложили дорогу к чанам и масляным складам, расположенным вдоль всей улицы Торговцев, огонь продвигался сериями взрывающихся в небо жарких фонтанов и взрывов. Касаясь связок редких сушеных трав и залежая в кладовые аптекарей, пламя заставляло людей сходить с ума и разговаривать с богами.

Вскоре весь центральный Морпорк был охвачен огнем, но более богатые и достойные граждане расположенного на другом берегу Анка не растерялись. Мужественно реагируя на создавшуюся ситуацию, они принялись уничтожать мосты. Однако корабли в морпоркских доках, хорошо просмоленные, нагруженные зерном, хлопком и лесом, уже всю горели. Огонь моментально превратил их швартовы в пепел, и тонущие светлячки судов, штурмуя волны реки Анк, понеслись к морю, поджигая на своем пути все прибрежные дворцы и беседки. Общей суматохи добавлял ветер, разносящий во все стороны искры, которые приземлялись далеко за рекой в укромных садиках и овинах.

Дым от радостно пляшущего пламени поднимался высоко в небо – черная, изогнутая ветром колонна высотой в мили была видна из всех точек Плоского мира.

В нескольких лигах от города был холм, и оттуда, удобно расположившись в прохладном тенечке, за пожаром заинтересованно наблюдали двое зрителей. С холма горящий город выглядел особо впечатляющим.

Тот, что повыше, попутно грыз цыплячью ножку, опираясь на меч, который был лишь немногим ниже среднего человека. Если бы не ум, светившийся в пронизательных глазах, этого человека вполне можно было бы принять за варвара из пустошей Пупземелья.

Его компаньон, закутанный с головы до пят в коричневый плащ, был гораздо меньше ростом. Позднее, когда ему представится возможность перейти к действию, мы увидим, что движется он легко, точно кошка.

За последние двадцать минут эти двое не обменялись ни словом, если не считать краткого, закончившегося ничем спора по поводу того, что было источником очень мощного взрыва – то ли таможенный склад, где хранились масла, то ли мастерская Керибля Чародея. От выяснения этого факта зависела судьба некоторой суммы денег.

Верзила закончил обглаживать кость и, с сожалением улыбнувшись, швырнул ее в траву.

– Вот и конец укромным переулочкам, – заявил он. – А мне они нравились.

– Все сокровищницы погорели, – подхватил низкорослик, а потом задумчиво добавил: – Интересно, драгоценные камни горят? Я слышал, они сродни углю.

– Сколько золота плавится и стекает в канавы, – продолжал высокий, не обращая на товарища никакого внимания. – А вино, наверное, кипит в бочках...

– Зато крысы передохнут, – указал закутанный в плащ человек.

– Крысы – да, все до единой.

– Не хотелось бы оказаться там сейчас, когда на дворе разгар лета.

– Это точно. Однако нельзя не испытывать... ну, в общем, этакое мимолетное...

Голос верзилы затих, но тут лицо его просветлело.

– А ведь мы были должны старому Фредору из «Багровой Пиявки» восемь серебряных монет, – сказал он.

Коротышка кивнул.

Они немного помолчали, глядя на то, как целая серия новых взрывов прочерчивает алой линией темные кварталы величайшего города на Плоском мире. Потом верзила пошевелился.

– Хорек?

– Да?

– Как думаешь, из-за чего случился этот пожар?

Низкорослый собеседник, известный под именем Хорька, ничего не ответил. Он смотрел на освещенную красноватым светом дорогу. Этим путем из города вышли немногие, потому что Противовращательные ворота рухнули одними из первых, осыпав округу дождем из раскаленных добела углей.

Но сейчас по дороге двигались двое путников. Глаза Хорька, которые прекрасно видели в темноте, различили силуэты двух всадников, за которыми тащилось какое-то приземистое животное. Наверняка богатый купец, удирающий с любимыми сокровищами, с теми, которые успел собрать в отчаянной спешке. Хорек не замедлил сообщить об этом своему приятелю.

– Статус пеших разбойников не очень-то нам подходит, – вздохнул варвар, – но, как ты говоришь, времена наступили тяжелые, и сегодня ночью мягкая постелька нас не ждет.

Он поудобнее перехватил меч и, когда первый всадник подъехал поближе, шагнул на дорогу, одновременно поднимая вверх руку. На лице его сияла точно рассчитанная улыбка – она ободряла и вместе с тем внушала угрозу.

– Прошу прощения, сударь... – начал было он.

Всадник придержал лошадь и стащил с головы капюшон. Взору верзилы предстало измученное лицо, покрытое волдырями от ожогов и отмеченное там и сям клочьями опаленной бороды. Даже бровей, и тех не было.

– Отвали, – рыкнуло лицо. – Ты ведь Бравд из Пупземелья, если не ошибаюсь?¹

До Бравда дошло, что инициативу у него перехватили.

– Исчезни, ладно? – попросил всадник. – У меня нет времени с тобой еще разбираться.

Оглядевшись по сторонам, он добавил:

– Это касается и твоего вшивого компаньона, который, судя по всему, прячется где-нибудь поблизости, в любимом тенечке.

Хорек подошел к лошади и взгляделся в расхристанную фигуру.

– Да это же волшебник Ринсвинд! – восхищенно воскликнул он, одновременно занося в память волшебниково описание своей персоны, дабы отомстить на досуге. – То-то, думаю, голос знакомый.

¹ Наконец пришла пора отметить некоторые особенности строения и космологии системы, в которую входит Диск. На Плоском мире существуют два основных направления: в сторону Пупа и в сторону Края. Но поскольку сам Диск вращается со скоростью один оборот в восемьсот дней (чтобы, как считает Рефоргул Крульский, равномерно распределять свою тяжесть по спинам поддерживающих его толстокожих), то выделяют еще два, вторичных, направления: по вращению и против оно-го. Основываясь на том, что крошечное солнышко, обращающееся вокруг Диска, движется по постоянной орбите, в то время как под ним медленно поворачивается величественный Плоский мир, нетрудно догадаться, что здесь существует не четыре, а восемь времен года. Лето случается, когда солнце встает или садится совсем рядом с Краем, а зима – когда светило находится в точке, удаленной от первой примерно на девяносто градусов по окружности. Таким образом, в землях, расположенных у Круглого моря, год начинается в свячельник, далее следует весна-прима, за которой наступает лето. Перевалив через свою середину (День Мелких Богов), лето перетекает в осень-приму, и вскоре все празднуют Новый полугод (страшдество). Зима-секундус, известная также как Наматывающая (поскольку солнце в это время поднимается по направлению вращения), сменяется весной-секундус, на пятки которой наступает лето-номер-два. Точка, отмечающая три четверти года, приходится на Ночь Всех Пустых – согласно легенде, в эту ночь, единственный раз в году, все ведьмы и колдуны остаются в своих постелях. Но вот уже с деревьев облетают листья, по ночам землю схватывает морозец – то грядет зима Разматывающая, в сердцевине которой заледеневшей драгоценностью приютился новый свячельник. Поскольку Пуп Плоского мира не избалован вниманием солнца, тамошние земли покрыты вечной мерзлотой. А вот Край, напротив, – область солнечных островов и благодатных деньков. Неделя на Диске состоит из восьми дней, а спектр – из восьми цветов. На Плоском мире число восемь заключает в себе очень могущественную магию – ни один волшебник никогда, ни в коем случае не должен произносить это число вслух. Почему все вышеописанное происходит так, а не иначе, не совсем ясно; тем не менее это отчасти объясняет тот факт, что богов на Плоском мире не столько почитают, сколько проклинаят.

Бравд сплюнул и вложил меч обратно в ножны. Связываться с волшебником – себе дороже выйдет. Тем более драгоценностей у волшебников – раз-два, и обчелся.

– Для подзаборного волшебника этот тип слишком выпендривается, – буркнул он.

– Ты ничего не понял, – устало отозвался всадник. – Я вас так испугался, что мой позвончик превратился в кисель. Просто как раз сейчас я страдаю от передозировки страха. Я хочу сказать, что мне нужно прийти в себя. Тогда я смогу испугаться вас как полагается.

Хорек ткнул пальцем в сторону горящего города.

– Ты что, напрямиком оттуда? – поинтересовался он.

Волшебник потер глаза обожженной докрасна рукой.

– Я был там, когда начался пожар. Видишь вон того? Там, сзади?

Он указал на дорогу, по которой все никак не мог доехать его спутник. Любимый метод верховой езды, усвоенный попутчиком волшебника, заключался в том, чтобы выпадать из седла каждые несколько секунд.

– Ну? – спросил Хорек.

– Это его рук дело, – просто сказал Ринсвинд.

Бравд и Хорек разом поглядели на темный силуэт, который в данную минуту, сунув одну ногу в стремя, прыгал поперек дороги.

– Что, настоящий поджигатель? – наконец удивился Бравд.

– Да нет, – фыркнул Ринсвинд. – Не совсем. Скажем так: воцарись вокруг полный и абсолютный хаос, этот человек стоял бы в самую грозу на вершине холма, одетый в мокрую медную кольчугу, и орал: «Все боги – сволочи!» Пожрать есть что-нибудь?

– Можем поделиться останками цыпленка, – сообщил Хорек. – В обмен на рассказ.

– Как его зовут? – поинтересовался Бравд, который, как всегда, не поспевал за ходом беседы.

– Двацветок.

– Двацветок? – удивился Бравд. – Вот это имечко!

– Вы еще и половины не знаете, – проворчал Ринсвинд, спешиваясь. – Цыпленок, говорите?

– С пряностями, – уточнил Хорек.

Волшебник застонал.

– Кстати, – вспомнил Хорек, прищелкнув пальцами, – где-то, ну, около получаса назад, был такой неслабый взрыв...

– Склад с маслами взлетел на воздух, – пояснил Ринсвинд, передернувшись при воспоминании об огненном дожде.

Хорек с выжидающей ухмылкой повернулся к своему приятелю, и тот, ворча, передал ему вытащенную из кошелька монету. Со стороны дороги послышался краткий, тут же оборвавшийся вопль. Ринсвинд, не поднимая глаз, продолжал пожирать цыпленка.

– Ездить на лошади он действительно не умеет, – заметил он, потом вдруг застыл, словно вспомнив что-то очень важное, тихонько вскрикнул от ужаса и метнулся в темноту.

Когда он вернулся, существо, именуемое Двацветком, безвольно свисало с его плеча. Оно было маленьким и костлявым, а его крайне необычное одеяние состояло из доходящих до колен штанов и рубахи таких кричащих, не сочетающихся друг с другом цветов, что привередливый глаз Хорька был оскорблен даже в полутьме.

– На ощупь кости вроде бы целы, – тяжело выдохнул Ринсвинд.

Бравд подмигнул Хорьку и отправился исследовать силуэт, который, согласно предположениям разбойников, был каким-то вьючным животным.

– Ты к нему лучше не суйся, – посоветовал волшебник, не отрываясь от обследования бесчувственного Двацветка. – Уж поверь на слово. Его защищает некая сила.

– Заклинание какое-нибудь? – осведомился Хорек, опускаясь на корточки.

– Н-нет. Но, думаю, какие-то чары. Очень редкие. К примеру, они могут превратить золото в медь, и в то же самое время ты эту медь не отличишь от золота; они делают людей богатыми, уничтожая их собственность, позволяют слабому бесстрашно разгуливать среди воров, проникают сквозь самые крепкие двери и выщеживают из-под семи замков сокровища. Они-то и держат меня в рабстве, так что я вынужден волей-неволей следовать за этим чокнутым и защищать его от всех напастей. Они и с тобой справятся, Бравд. Мне кажется, эти чары хитрее даже тебя, Хорек.

– Ну, и как же они называются, эти могущественные чары?

Ринсвинд пожал плечами.

– На нашем языке они зовутся «отраженный шум, как будто подземные духи орут». Вина у вас случаем не найдется?

– Тебе следует знать, что там, где дело касается волшебства, я тоже кое на что способен, – заявил Хорек. – Не далее как в прошлом году я – с помощью моего присутствующего здесь друга – лишил известного могущественнейшего архимага из Аймитури волшебного посоха, пояса из лунных камней и жизни. Именно в таком порядке. Я не боюсь этого «отраженного шума, как будто подземные духи орут», который ты так расписываешь. Однако, – добавил он, – ты меня заинтересовал. Может, еще что расскажешь?

Бравд смерил взглядом существо на дороге, которое подошло ближе. В предутреннем свете постепенно начали обрисовываться его очертания. Во всех отношениях оно решительно походило на...

– Это что, ящик на ножках? – спросил Бравд.

– Я все расскажу, – ответил Ринсвинд. – Винца только налейте.

Снизу, из долины, донесся громкий рев, сменившийся отчаянным шипом. Кто-то более предусмотрительный, чем все остальные, приказал закрыть огромные речные ворота, расположенные там, где Анк вытекает из двуединого города. Река, лишённая свободы передвижения, вышла из берегов и разлилась по терзаемым огнем улицам. Вскоре континент огня превратился в группу островов, каждый из которых становился все меньше и меньше по мере того, как поднимался темный прилив. А над затянутым дымом городом принялось расти, закрывая собой звезды, бурлящее облако пара. Хорек еще подумал, уж очень оно напоминает какой-то черный гриб...

Двуединый город, состоящий из гордого Анка и тлетворного Морпорка (по сравнению с этой парочкой все остальные города в пространстве и времени представляют собой лишь жалкие отражения), за свою долгую и насыщенную событиями историю выдержал множество напастей. Каждый раз он заново поднимался из пепла и достигал процветания. Так что пожар и последовавшее за ним наводнение, уничтожившее все, что не могло гореть, и добавившее к проблемам уцелевших горожан чрезвычайное зловоние, вовсе не означали конец города. Скорее, это был пламенный знак препинания, рдеющая угольком запятая или огненное, как саламандра, двоеточие в продолжающейся истории.

За несколько дней до этих событий по реке вместе с утренним приливом поднялось судно, причалившее в лабиринте доков и верфей к морпоркскому берегу. Груз этого судна состоял из розового жемчуга, молочных орешков, пемзы, нескольких официальных писем, адресованных патрицию города, и человека.

Именно этот человек и привлек внимание Слепого Хью, одного из попрошаек, несущих утреннее дежурство в Жемчужном доке. Хью толкнул Калеку Ва в бок и безмолвно указал пальцем.

Незнакомец уже стоял на набережной и наблюдал за тем, как несколько матросов, надрываясь, тащат по трапу громадный, скрепленный медными обручами сундук. Рядом с чужеземцем высился хмурый тип, очевидно капитан судна. Слепой Хью славился тем, что с рассто-

яния в пятьдесят шагов мог мгновенно учуять самую мелкую золотую монетку, сейчас же тело попрошайки все затрепетало. Один вид только что прибывшего в Анк-Морпорк чужестранца сулил немедленное и баснословное обогащение.

И точно, когда сундук был поставлен на булыжную мостовую, незнакомец сунул руку в кошелек, и в ней блеснула монета. Несколько монет. Несколько ЗОЛОТЫХ монет. Слепой Хью, чье тело заходило ходуном, словно почуявшая воду ореховая лоза, негромко присвистнул. Калека Ва, схлопотав еще один тычок в бок, заторопился по ближайшему переулку к центру города.

После того как капитан вернулся на судно, оставив слегка ошеломленного чужеземца стоять на набережной, Слепой Хью подхватил свою чашку для сбора подаяний и с заискивающей ухмылкой заковылял через улицу. При виде попрошайки незнакомец начал поспешно копаться в кошельке.

– Добрый день тебе, господин... – начал было Хью, но запнулся.

С лица незнакомца на нищего взирали сразу четыре глаза. Два обыкновенных, а поверх них – два абсолютно прозрачных. Попрошайка быстро повернулся и приготовился делать ноги.

– ! – выпалил чужеземец и схватил Слепого Хью за руку.

От Хью не укрылось, что толпящиеся вдоль поручней судна матросы в открытую потешаются над ним. В то же самое время его натренированный нос учуял потрясающий, мощнейший аромат денег. Слепой Хью застыл на месте. Чужестранец отпустил его руку и быстро пролистал маленькую черную книжицу, которую вытащил из-за пояса.

– Привет, – наконец изрек он, найдя нужную страницу.

– Чего? – не понял Хью.

Незнакомец ошарашено поглядел на нищего.

– Привет? – повысил голос он. Гласные, срываясь с его языка, с легким звоном вставали на свои места.

– И тебе того же, – наконец сообразил Хью.

Незнакомец широко улыбнулся и снова принялся копаться в кошельке. На этот раз его рука вынырнула с золотой монетой размерами чуть больше восьмидесятидолларовой анкской кроны. Чеканка выглядела как-то странно, но язык золота Хью понимал без перевода. «Моему нынешнему владельцу, – говорила монета, – требуется поддержка и помощь. Почему бы тебе не оказать ему пару-другую услуг, чтобы ты и я смогли потом отправиться куда-нибудь и вдоволь насладиться обществом друг друга?»

Едва уловимые изменения в позе нищего придали чужеземцу уверенности. Он снова сверился со своей книжечкой.

– Я желаю быть препровожденным в отель, таверну, меблированные комнаты, гостиницу, трактир, караван-сарай, – сказал он.

– Что, во все места сразу? – уточнил ошарашенный Хью.

– ? – отозвался незнакомец.

Хью почувствовал на спине взгляды зевак. Вокруг него и странного чужеземца мигом собралась небольшая толпа из торговков рыбой, ловцов моллюсков и просто прохожих.

– Слушай, есть у меня одна классная таверна на примете, – поспешно посулил он, содрогнувшись при мысли о том, что золотая монета может сейчас уплыть из его жизни.

Нет, эту монету он во чтобы то ни стало приберет, даже если все остальное достанется Аймору. Здоровенный сундук, составляющий почти весь багаж путешественника, с виду был доверху набит золотом.

Четырехглазый опять заглянул в книжицу.

– Я желаю быть препровожденным в отель, место отдыха, трактир...

– Да, да, хорошо. Пошли быстрее, – заторопился Хью и, подхватив один из узелков приежжего, быстро зашагал прочь.

Незнакомец после секундного колебания последовал за ним.

В голове Хью одна за другой проносились мысли. То, что ему так легко удалось заманить приезжего в «Порванный Барабан», – большая удача, и Аймор, возможно, щедро вознаградит его. Однако в новом знакомце Хью, несмотря на кажущуюся кротость, присутствовало нечто такое, отчего попрошайка чувствовал себя не в своей тарелке. Что ж его так тревожит? Нет, два лишних глаза – это, конечно, необычно, но не в них дело. Что-то еще... Хью оглянулся.

Низкорослый чужеземец неторопливо шествовал по самой середине улицы, с живейшим интересом изучая окрестности.

Но вовсе не это зрелище лишило Слепого Хью дара речи.

Здоровенный деревянный сундук, который Хью в последний раз видел стоящим на набережной, следовал за своим хозяином, мягко раскачиваясь на ходу. Медленно, едва удерживаясь на внезапно ослабевших конечностях, Хью нагнулся и заглянул под сундук.

Его глазам предстали ряды маленьких ножек.

Хью осторожно выпрямился, повернулся и зашагал в сторону «Порванного Барабана».

– Странно, – заметил Аймор.

– И с собой он привез большой деревянный сундук, – добавил Калека Ва.

– Это либо купец, либо шпион, – сделал вывод Аймор, отщипывая от зажатой в руке котлеты кусок мяса и подбрасывая его в воздух.

Мясо не успело толком подлететь, как из мрака, скопившегося в углу комнаты, вынырнула черная тень и спикировала вниз, подхватив добычу.

– Либо купец, либо шпион, – повторил Аймор. – Лучше последнее. Шпион окупается дважды, потому что за этих негодяев неплохо платят. Мы без труда можем его сдать. А ты, Визель, что думаешь?

Сидящий напротив него вор, второй по значению в Анк-Морпорке, прикрыл свой единственный глаз и пожал плечами.

– Я проверил корабль, – сказал он. – Обычное торговое судно. Время от времени заходит на Коричневые острова. Там живут одни дикари. Они ничего не понимают в шпионаже, а купцов, полагаю, едят.

– Он чем-то смахивал на купца, – высказался Ва. – Только худой он какой-то.

За окном послышалось хлопанье крыльев. Аймор вытащил свою массивную тушу из кресла, пересек комнату и вернулся обратно с большим вороном в руках. После того как он отцепил от ноги ворона капсулу с письмом, птица сразу взлетела вверх и присоединилась к сородичам, затаившимся среди балок. Визель проводил ее неприязненным взглядом. Вороны Аймора были чрезвычайно преданы своему хозяину – преданы до такой степени, что единственная попытка Визеля подняться до ранга величайшего вора в Анк-Морпорке стоила ему, правой руке Аймора, левого глаза. Слава богам, не жизни. Аймор никогда не держал зла на амбициозных людей.

– Б12, – констатировал Аймор, отбрасывая в сторону миниатюрную склянку и разворачивая вытащенную оттуда крошечную записку.

– Кошка Горрин, – автоматически отозвался Визель. – Дежурит на посту в Храме Мелких Богов, на вершине сигнальной башни.

– Он сообщает, что Хью отвел нашего чужестранца в «Порванный Барабан». Что ж, неплохо. Пузан – наш... друг, не так ли?

– Именно, – кивнул Визель. – Он понимает, что хорошо для его кошелька, а что не очень.

– Одним из его клиентов был этот твой Горрин, – довольно продолжал Аймор. – Потому что он пишет о ящике с ногами, если я правильно разобрал его каракули.

Поверх края бумаги он взглянул на Визеля.

Одноглазый вор отвернулся.

– Его накажут, – равнодушно сказал он.

Ва посмотрел на облаченную в черное фигуру, которая расположилась в кресле с неприужденностью пумы, разлегшейся на ветке в джунглях Краеземелья. Похоже, Горрин с крыши Храма Мелких Богов скоро присоединится к этой божественной мелюзге в многочисленных измерениях Того Света. А он задолжал Калеке Ва три медяка.

Аймор скомкал записку и швырнул в угол.

– Надо будет заглянуть в «Барабан». Чуть позже. Заодно отведаем тамошнего пива, которое так влечет твоих людей, Визель.

Одноглазый ничего не ответил. Иногда ему казалось, что уж лучше быть забитым до смерти надушенными шнурками от башмаков, чем состоять у Аймора правой рукой.

Двуетный город Анк-Морпорк, первый по значению из городов, лежащих у Круглого моря, был, само собой разумеется, пристанищем для огромного количества банд, воровских гильдий, синдикатов и других подобных организаций. Данное обстоятельство являлось одной из причин его процветания. Большая часть бедного люда, ютившегося в лабиринте переулков Морпорка, пополняла свои скромные доходы, оказывая те или иные мелкие услуги какой-нибудь из соперничающих группировок. Так вот и вышло, что к тому времени, как Хью и Двацветок вошли во двор «Порванного Барабана», главари многих банд уже прознали о неизвестном богате, прибывшем в город. Донесения некоторых наиболее наблюдательных шпииков включали в себя описания книжечки, которая подсказывает чужеземцу нужные слова, и сундука, который ходит сам по себе. Однако на эти детали никто не обратил внимания. Ни один волшебник, способный на подобное волшебство, за милую душу не подойдет к морпоркским докам.

То был час, когда большинство горожан либо поднимались с постелей, либо как раз собирались укладываться спать, поэтому лишь немногие из завсегдатаев «Барабана» могли наблюдать то, как Двацветок спускается по лестнице в таверну. Когда же следом за чужеземцем появился Сундук и уверенно заковылял вниз по ступенькам, все клиенты, сидящие за грубыми деревянными столами, как один подозрительно покосились на свою выпивку.

Пузан как раз шпынял тролленка, подметавшего зал, когда вся троица прошествовала мимо.

– Это еще что, язви вас в корень, такое? – поинтересовался хозяин.

– Ты только не распространяйся никому, ладно? – прошипел Хью.

Двацветок принялся листать свою книжечку.

– Чего это он? – осведомился Пузан, скрестив руки на груди.

– Она подсказывает ему, что надо отвечать. Я понимаю, это, конечно, звучит глупо, но... – пробормотал Хью.

– Как может книжка подсказывать человеку, что ему говорить?

– Я желаю место, комнату, номер, меблированную комнату, полный пансион, чисто ли у вас, комнату с видом, сколько вы берете за ночь? – на одном дыхании выпалил Двацветок.

Пузан посмотрел на Хью. Попрошайка пожал плечами.

– У него денег как грязи, – пояснил он.

– Тогда скажи ему, что за ночь я беру три медяка. Но эту Хреновину придется поставить в конюшню.

– ? – спросил незнакомец.

Пузан поднял вверх три жирных багровых пальца, и лицо приезжего сразу просияло пониманием. Он запустил руку в кошелек и выложил на ладонь Пузана три больших золотых кругляша.

Трактирщик, выпучив глаза, уставился на монеты. Сумма примерно в четыре раза превышала стоимость «Порванного Барабана», включая прислугу. Он перевел взгляд на Хью, но

понял, что от попрошайки помощи не дожидаться. Пузан снова посмотрел на чужестранца. Сглотнул.

– Да, – наконец пропищал он неестественно тонким голоском. – Плюс питание. Э-э-э... Ну, вы меня понимаете? Пища. Вы едите. Нет?

Он воспроизвел соответствующие движения.

– Писча? – переспросил приезжий.

– Ага, – согласился Пузан, начиная обливаться потом. – Ты в книжечку-то загляни...

Чужестранец открыл свой талмуд и провел пальцем по одной из страниц. Пузан, который кое-как умел различать буквы, краешком глаза заглянул в книжицу. Тарабарщина какая-то...

– Пи-ища, – протянул приезжий. – Да. Котлета, бефстроганов, отбивная, тушеное мясо, рагу, фрикасе, фарш, антрекот, суфле, клецки, бланманже, шербет, овсянка, колбаса, катиться колбаской, бобы и на бобах, сладости, желе, варенье. Гусиные потроха, – он послал Пузану лучезарную улыбку.

– Все сразу? – слабым голосом уточнил трактирщик.

– Просто он так разговаривает, – объяснил Хью. – И не спрашивай меня, почему. Разговаривает, и все тут.

Все глаза в комнате наблюдали за незнакомцем – все, за исключением тех, что принадлежали волшебнику Ринсвинду, который сидел в самом темном уголке и медленно потягивал из кружки разбавленное пиво.

Ринсвинд разглядывал Сундук.

А вы повнимательнее разглядите Ринсвинда.

Посмотрите на него. Тощий, подобно большинству волшебников, он одет в темно-красный балахон, по которому потускневшими блестками вышито несколько магических знаков. Кое-кто может принять его за простого ученика чародея, сбежавшего от хозяина из протеста, скуки, страха и еще теплящегося желания женщин. Однако шею Ринсвинда украшает цепь с бронзовым октагоном, сразу выдающая выпускника Незримого Университета, высшей школы магии, чей перемещающийся в пространстве и времени трансцендентно-архитектурный комплекс находится одновременно и Там, и Тут. Выпускники этого учебного заведения обычно могут претендовать по меньшей мере на степень мага, но Ринсвинду – после одного злополучного события – пришлось покинуть Университет со знанием одного-единственного заклинания. Теперь волшебник болтался по городу, зарабатывая на жизнь своей врожденной способностью к языкам. Работать он особо не любил, но отличался живым умом и своими пронырливыми повадками напоминал смышленного грызуна. Кроме того, он с первого взгляда мог распознать древесину груши разумной. Как раз сейчас он на нее и смотрел – смотрел и не мог поверить своим глазам.

Архимаг, приложив величайшие усилия и затратив огромное количество времени, мог надеяться в конечном итоге заполучить небольшой посох, сделанный из груши разумной. Это редкое дерево растет только там, где в древности водилась магия, поэтому даже во всех городах Круглого моря не найдется двух посохов из груши разумной. Что же касается огромного сундука... Ринсвинд провел в уме быстрые подсчеты и пришел к выводу, что, даже если бы сундук был до отказа набит звездными опалами и кусками золотоносной руды, все равно его содержимое не стоило бы и десятой части содержащего. На лбу волшебника запульсировала нервная жилка.

Ринсвинд поднялся на ноги и направился к троице у стойки.

– Могу я чем-нибудь помочь? – осведомился он.

– Отвали, Ринсвинд, – рявкнул Пузан.

– Я всего-навсего подумал, что, может, стоит обратиться к этому господину на его родном языке, – мягко предложил волшебник.

– Он прекрасно обходится без твоей помощи, – парировал трактирщик, но все же отступил.

Ринсвинд вежливо улыбнулся чужестранцу и произнес пару фраз по-химерски. Он гордился тем, что бегло говорит на химерском, но чужеземец лишь удивленно поглядел на него.

– Ничего у тебя не выйдет, – знающе покачал головой Хью. – Видишь ли, все дело в этой книжонке. Она советует ему, что сказать. Колдовство, одно слово.

Ринсвинд перешел на высоко-борогравийский, затем на ванглемешт, сумтри и даже на черно-оругуйский язык, в котором нет ни одного существительного и только одно прилагательное, да и то неприличное. Каждая попытка была встречена вежливым непониманием. Отчаявшись, Ринсвинд решил испробовать язык варваров Троба, и тут лицо маленького чужестранца расплылось в довольной улыбке.

– Ну наконец-то! – воскликнул он. – Мой добрый друг! Это замечательно!²

– О чем это вы? – подозрительно осведомился Пузан.

– Что сказал трактирщик? – поинтересовался приезжий.

Ринсвинд сглотнул.

– Пузан, – сказал он, – чужеземец просит принести две кружки твоего лучшего эля.

– Ты понимаешь его?

– О, конечно.

– Скажи ему... скажи, что мы очень рады его прибытию. И скажи, что еда стоит... э... э... один золотой.

На какое-то мгновение лицо Пузана напряглось – словно некая ожесточенная внутренняя борьба происходила в трактирщике, – и после секундного колебания он во внезапном порыве щедрости добавил:

– Твой завтрак я тоже включу в его счет.

– Чужеземец, – ровным голосом сказал Ринсвинд, – если ты останешься здесь, то к ночи тебя либо зарежут, либо отравят. Только не переставай улыбаться, иначе меня постигнет та же судьба.

– Да что ты! – воскликнул приезжий, оглядываясь по сторонам. – Здесь так очаровательно! Настоящий морпоркский трактир. Знаешь, я так много о них слышал. Ты посмотри, какие своеобразные старые балки. И такие солидные...

Ринсвинд быстро глянул вокруг себя на тот случай, если утечка магии из расположенного за рекой Квартала Волшебников вдруг перенесла их в какое-то другое место. Но нет, все тот же зал «Барабана» – покрытые пятнами копоты стены; пол, устланный гниющим тростником, поверх которого валяются трупки безымянных жучков; прокисшее пиво, которое не столько покупалось, сколько бралось напрокат. Ринсвинд попробовал примерить этот образ к слову «своеобразный» или, скорее, к его ближайшему тробскому эквиваленту, звучащему как «эта приятная странность конструкции, встречающаяся в коралловых домиках, поедающих губки пигмеев с полуострова Орохаи».

Его разум не выдержал подобного сравнения.

– Меня зовут Двацветок, – продолжал гость, протягивая руку.

Трое его собеседников инстинктивно опустили глаза, чтобы проверить, нет ли в ней монетки.

– Рад познакомиться, – ответил Ринсвинд. – Я Ринсвинд. Послушай, я не шучу. Это настоящий притон.

– Прекрасно! Сюда-то я и хотел попасть!

² В действительности на тробском языке последнее слово означало «то, что может случиться лишь однажды за все время службы доброго каноэ, изготовленного при помощи топора и огня из самого высокого алмазного дерева, что растет в знаменитых алмазных лесах на нижних склонах горы Аваява, являющейся, по слухам, обиталищем огненных богов».

– Не понял.
– Что это за жидкость в кружках?
– Это? Пиво. Спасибо, Пузан. Да. Пиво. Ну... Пиво, в общем.
– А, этот столь характерный напиток. Как ты думаешь, маленькой золотой монетки хватит, чтобы заплатить за пиво? Я бы не хотел никого обидеть.
Монета уже наполовину высунулась из его кошелька.
– Аг-ха, – закашлялся Ринсвинд. – Я хочу сказать, нет, ты никого не обидишь.
– Хорошо. Значит, это притон. Ты имеешь в виду, что сюда частенько захаживают всякие герои и искатели приключений?

Ринсвинд поразмыслил над этим предположением.
– Да? – в конце концов выдавил он.
– Замечательно. Я хотел бы познакомиться с кем-нибудь из них.
Тут волшебнику пришло в голову разумное объяснение поведения чужеземца.
– А, – догадался он, – так ты приехал за наемниками?³
– О нет. Я просто хочу познакомиться с этими людьми. Чтобы, вернувшись домой, я мог похвастаться этим.

«Знакомство с клиентами „Барабана“ скорее будет означать, что ты вообще не вернешься домой, – мрачно подумал Ринсвинд. – Разве что ты живешь ниже по течению и твой труп случайно пронесет мимо».

– И откуда же ты родом? – поинтересовался Ринсвинд.
Тем временем Пузан тихонько ускользнул в одну из задних комнат. Хью с подозрением наблюдал за беседой из-за ближайшего столика.

– Ты когда-нибудь слышал о городе под названием Бес Пеларгик?
– Ну, я в Тробе пробыл очень недолго. Так, заглянул проездом...
– О, это не в Тробе. Я говорю на этом языке, потому что в наши порты заходит множество тробских кораблей. Бес Пеларгик – это главный морской порт Агатовой империи.
– Боюсь, никогда о такой не слышал.

Двацветок приподнял брови.
– Правда? Она довольно-таки большая. До нее примерно неделя ходу от Коричневых островов. Плыви по вращению и вскоре наткнешься на нее. Эй, что с тобой?

Чужеземец торопливо обежал вокруг стола и вежливо постучал судорожно кашляющего волшебника по спине.

Противовесный континент!

За три улицы от трактира старик бросил в кислоту монету и осторожно покачал блюдце. Пузан с нетерпением взирал на происходящее – ему было не по себе в этой комнате, которая вся пропиталась вонючим дымом из чанов и булькающих реторт. Стены помещения были сплошь заставлены полками, на которых виднелись неясные очертания неведомых вещей, наводящих на мысли о черепах и чучелах небывалых монстров.

– Ну? – требовательно спросил трактирщик.
– В таком деле торопиться нельзя, – брюзгливо отозвался старый алхимик. – Проверка времени требует. Ага!

Он подтолкнул блюдечко пальцем. Монету затянул водоворот зеленых красок. Понаблюдав за реакцией, алхимик проделал какие-то расчеты на обрывке пергамента.

– Исключительно интересно, – наконец заявил он.
– Она настоящая?

³ Букв.: «за воинами, сражающимися за племя, у которого больше молочных орешков».

– Это зависит от того, что ты подразумеваешь под этим словом, – поджал губы старик. – Если ты хочешь узнать, равняется ли она, к примеру, пятидесяти долларам, то я тебе отвечу, что нет, не равняется.

– Так я и знал! – возопил трактирщик и ринулся к дверям.

– Видимо, я не совсем ясно выразился!.. – крикнул вслед алхимик.

Пузан сердито повернулся к нему.

– Что ты хочешь сказать?

– Видишь ли, за долгие годы наши деньги стали... разбавленными, что ли? В обычной монете золота содержится лишь четыре части, а остальные восемь частей составляют серебро, медь и так далее.

– Ну и что с того?

– Я сказал, что эта монета не такая, как наши. Это *чистое* золото.

После того как Пузан рысью выбежал из комнаты, алхимик некоторое время разглядывал потолок. Затем достал крошечный клочок тонкого пергамента, разыскал в куче хлама на рабочем столе перо и написал очень короткую записку. После чего, подойдя к клеткам с белыми голубями, черными петухами и прочими подопытными экземплярами, он вытащил гладкую, лоснящуюся крысу, засунул свернутую записку в маленькую бутылочку, привязанную к задней ноге зверька, и выпустил животное на свободу.

Крыса ткнула носом в пол и исчезла в норе у дальней стены.

Примерно в это же самое время одна гадалка, славящаяся никогда не сбывающимися предсказаниями и живущая на другом конце квартала, случайно заглянула в свою магическую чашу и испустила тихий вопль. Всего лишь за один час провидица продала все драгоценности, различные волшебные приспособления, большую часть одежды и прочие пожитки, которые нельзя было увезти на самой быстрой лошади, какую она только смогла достать. Тот факт, что немного погодя, когда дом рухнул в пламени, сама гадалка погибла под случайной лавиной в Морпоркских горах, доказывает, что у Смерти тоже есть чувство юмора.

Опять-таки примерно в то же время, когда почтовая крыса исчезла в лабиринте ходов под городом и, безошибочно следуя древнему инстинкту, заторопилась к своей цели, патриций Анк-Морпорка взял в руки письма, доставленные прилетевшим утром альбатросом, еще раз задумчиво посмотрел на верхнее из них и вызвал к себе главного шпиона.

А в «Порванном Барабане» Ринсвинд с раскрытым ртом внимал рассказу Двацветка.

– Так что я решил увидеть ваш город своими глазами, – повествовал маленький чужестранец. – На это ушли все сбережения, которые я накопил за восемь лет. Но мое путешествие стоит каждого полурайну. Я хочу сказать, наконец-то я очутился здесь. В Анк-Морпорке. В двуедином городе, прославленном в песнях и сагах. На улицах, знававших поступь Хэрика Белого Клинка, Хруна-Варвара, Бравда из Пупземелья и Хорька... Знаешь, здесь все именно так, как я себе представлял.

Лицо Ринсвинда являло собой маску, изображавшую зачарованный ужас.

– Я уже не мог выносить жизнь в Бес Пеларгике, – безмятежно продолжал Двацветок. – Сидеть целый день за конторкой, складывать колонки циферок, не ждать от будущего ничего, кроме пенсии... где ж тут романтика? Двацветок, сказал я себе, сейчас или никогда. Зачем слушать чужие истории? Ты сам можешь поехать туда. Хватит слоняться вокруг доков и подслушивать матросские байки. Одним словом, я составил себе разговорник и купил билет на ближайшее судно, следующее к Коричневым островам.

– И ты не взял с собой никакой охраны? – пробормотал Ринсвинд.

– А зачем? Что у меня красть?

Ринсвинд кашлянул.

– У тебя есть... э-э... золото, – намекнул он.

– И двух тысяч райну не наберется. Этого только-только хватит, чтоб не помереть с голоду пару-другую месяцев. У меня дома. Здесь, наверное, на эти деньги можно прожить подольше.

– Райну – это такая большая золотая монета? – уточнил Ринсвинд.

– Ага. – Двацветок обеспокоенно посмотрел на волшебника поверх своих странных зрительных линз. – Как, по-твоему, две тысячи – это приличная сумма?

– Аг-ха, – прохрипел Ринсвинд. – Я хочу сказать, да, приличная.

– Вот и здорово.

– Гм, а в Агатовой империи все такие богатые, как ты?

– Я? Богатый? Помилуйте меня боги, да с чего это ты взял? Я всего-навсего бедный клерк! Как ты думаешь, я не слишком много заплатил трактирщику? – вдруг забеспокоился Двацветок.

– Э-э, он мог бы удовольствоваться и меньшим, – предположил Ринсвинд.

– Ладно, в следующий раз буду умнее. Вижу, мне многому предстоит научиться. Кстати, Ринсвинд, мне в голову пришла одна идея... Ты случаем не согласишься поступить ко мне на службу в качестве... гм, не знаю, вероятно, в данных обстоятельствах эту должность можно назвать «гидом»? Я могу платить тебе один райну в день.

Ринсвинд было открыл рот, чтобы ответить, но почувствовал, что слова застряли в горле и явно не торопятся выходить в мир, который быстро сходит с ума. Двацветок залился краской.

– Я тебя обидел, – заметил он. – С моей стороны было дерзостью просить об этом такого профессионала, как ты. У тебя наверняка множество проектов, которые ждут своего воплощения. Какое-нибудь высокое волшебство...

– Да нет, – слабо пискнул Ринсвинд. – Как раз сейчас я свободен. Райну, говоришь? Один райну в день. Каждый день?

– Наверное, в сложившихся обстоятельствах мне следует предложить тебе полтора райну. Плюс, конечно, все издержки.

Волшебник, совершив невозможное, овладел собой.

– Подойдет, – кивнул он. – Я согласен.

Двацветок достал из сумки большую золотую кругляху, взглянул на нее и положил обратно. Ринсвинду не удалось рассмотреть ее как следует.

– Думаю, – сказал турист, – что сейчас мне не помешает немного отдохнуть. Путешествие было долгим. Надеюсь, ты сможешь вернуться сюда в полдень, и мы тогда осмотрим город?

– Заметано.

– Тогда, пожалуйста, будь так добр, попроси трактирщика, чтобы он показал мне мою комнату.

Ринсвинд выполнил это поручение и проводил взглядом нервничавшего Пузана, который, примчавшись галопом из задней комнаты, повел гостя вверх по деревянной лестнице, расположенной сразу за стойкой. Спустя несколько секунд Сундук тоже поднялся на ноги и затопал следом за хозяином.

Волшебник опустил глаза и уставился на шесть больших монет у себя на ладони. Двацветок настоял на том, чтобы заплатить ему за первые четыре дня вперед.

Хью кивнул и ободряюще улыбнулся. Ринсвинд тихонько рыкнул на него.

В бытность студентом-волшебником Ринсвинд никогда не получал высоких оценок по предвидению, но сейчас в его голове запульсировали дотоле не использованные цепи, и будущее предстало перед ним так явственно, словно было вытатуировано яркими красками на его зрачках. Меж лопатками у Ринсвинда засвербило. Он понимал, что благоразумнее всего будет купить лошадь. Это должна быть быстрая лошадь – и дорогая. Однако из его знакомых барышников никто не сможет дать сдачу с целой унции золота. Таких богачей среди приятелей Ринсвинда просто не было.

Остальные пять монет помогут ему открыть какое-нибудь выгодное дело на безопасном расстоянии отсюда. Двухсот миль вполне достаточно. Это было бы благоразумно.

Но что же будет с Двацветком, который останется один-одинешенек в городе, где даже тараканы за милую душу чуют золото? Нужно быть настоящим подонком, чтобы бросить беднягу здесь.

Патриций Анк-Морпорка улыбнулся одними губами.

– Пусторонние ворота, говоришь? – пробормотал он.

Капитан стражи лихо козырнул.

– Так точно, ваша милость. Пришлось пристрелить лошадь, иначе этот гад отказывался останавливаться.

– И вот ты здесь. Прямой путь ты избрал, – отметил патриций, глядя на Ринсвинда. – Что скажешь в свое оправдание?

Ходили слухи, что целое крыло дворца патриция заполнено чиновниками, которые днями напролет сопоставляют и уточняют информацию, собранную высоко организованной шпионской сетью их повелителя. Ринсвинд никогда не подвергал сомнению эти слухи. Он взглянул в сторону балкона, тянувшегося вдоль одной из стен аудиенц-зала. Резкий бросок, ловкий прыжок – и пучок арбалетных стрел в спину. Он содрогнулся.

Патриций пристроил подбородок на унизанной кольцами руке и уставился на волшебника маленькими и жесткими, как бусинки, глазками.

– Так, посмотрим, – сказал он. – Клятвопреступление, кража лошади, ввод в обращение фальшивых монет – да, думаю, Арена заждалась тебя, Ринсвинд.

Ну, это уж слишком...

– Я не крал лошадь! Я честно ее купил!

– На фальшивые деньги. Видишь ли, с формальной точки зрения это кража.

– Но эти райну сделаны из чистого золота!

– Райну? – Патриций покрутил одну из монет в пальцах. – Значит, вот как они называются? Интересно. Но, как ты сам заметил, они не больно-то похожи на доллары...

– Ну разумеется...

– Ага! Сам признался!

Ринсвинд открыл было рот, чтобы возразить, но передумал и сжал губы.

– Вот именно. И ко всему, естественно, добавляется моральное оскорбление, сопутствующее трусливому предательству. Ты предал гостя наших берегов. Стыдись, Ринсвинд!

Патриций неопределенно махнул рукой. Стражники, стоявшие у Ринсвинда за спиной, отступили, а их капитан сделал несколько шагов вправо. Ринсвинд внезапно почувствовал себя очень одиноким.

Говорят, когда должен умереть волшебник, Смерть приходит за ним лично (здесь не мешало бы заметить, что на Диске Смерть – мужского рода), вместо того чтобы возложить исполнение этой обязанности на кого-нибудь из своих подчиненных вроде Чумы или Глада, как оно обычно бывает. Ринсвинд нервно оглянулся, ожидая увидеть высокую фигуру в черном⁴.

Что за тень мелькнула там, в углу?

– Но я могу проявить милосердие, – добавил патриций.

Тень испарилась. Ринсвинд поднял глаза, и на его лице отразилась безумная надежда.

– Да? – выдохнул он.

⁴ У волшебников, даже неудавшихся, в дополнение ко всяким палочкам и кристалликам в зрачках имеются крошечные восьмиугольники, которые позволяют видеть октарин, основной цвет, по сравнению с которым все остальные цвета – не более чем бледные оттенки, вторгающиеся в обычное четырехмерное пространство. Говорят, что выглядит октарин примерно как светящийся зеленовато-желтый пурпур.

Патриций снова махнул рукой. Стражники быстренько покинули залу. Оставшись наедине с верховным правителем двуединого города, Ринсвинд немного пожалел, что они ушли.

– Подойди-ка сюда, Ринсвинд, – поманил патриций и указал на вазу со сладостями, стоящую на невысоком ониковом столике рядом с тронном. – Засахаренную медузу не желаешь?

– М-м-м, – протянул Ринсвинд. – Нет, пожалуй.

– А теперь я хочу, чтобы ты очень внимательно выслушал то, что я тебе скажу, – дружелюбно произнес патриций. – Иначе ты умрешь. Очень интересным манером. Не сразу. И пожалуйста, прекрати ерзать. Поскольку ты где-то в чем-то волшебник, тебе, конечно, известно, что мы живем в мире, имеющем, так сказать, форму диска? И что, по слухам, у дальнего края существует континент, который, несмотря на небольшие размеры, равен по массе всем мощным пластам земли в нашем полукружии? Согласно древней легенде, это объясняется тем, что в значительной степени он состоит из золота. Ты знал об этом?

Ринсвинд кивнул. Кто ж не слышал о Противовесном континенте? Некоторые моряки даже верили в эти детские сказки и отправлялись на его поиски. Судьба таких путешественников была проста: либо они возвращались с пустыми руками, либо не возвращались вовсе. Должно быть, попадали в пасть к гигантским черепахам, как считали серьезно настроенные мореплаватели. Потому что Противовесный континент был не более чем радужным мифом.

– На самом деле этот континент существует, – продолжал патриций. – Хоть он и не состоит из золота, этот металл довольно распространен в тех краях. Большая часть массы континента приходится на долю обширных залежей октирона, расположенных глубоко в земной коре. И для такого проницательного ума, как твой, должно быть очевидным, что существование Противовесного континента представляет смертельную угрозу для нашего народа... – Он остановился, глядя в раскрытый рот Ринсвинда. Вздохнул. – Ты уверен, что следишь за моими рассуждениями? – уточнил он.

– Аг-ха, – кашлянул Ринсвинд, сглотнул и провел языком по губам. – То есть да. Я имею в виду... ну, в общем, золото...

– Понятно, – ласково кивнул патриций. – Возможно, ты считаешь, что стоило бы отправиться на Противовесный континент и привезти оттуда целый корабль золота?

Ринсвинд заподозрил какой-то подвох.

– Да? – рискнул он.

– Тогда представь себе, что у каждого человека на берегах Круглого моря появится собственная гора золота. Хорошо это будет или плохо? И что случится потом? Подумай как следует.

Ринсвинд наморщил лоб и подумал.

– Мы все станем богатыми.

Температура в помещении резко понизилась. Очевидно, предположение Ринсвинда оказалось неверным.

– Что ж, могу сообщить тебе, Ринсвинд, что между правителями Круглого моря и императором так называемой Агатовой империи существуют некие связи, – продолжал патриций. – Только связи эти весьма тонки. Нас с империей почти ничего не связывает. То, что есть у нас, им не нужно, а то, что имеется у них, мы не можем себе позволить. Это очень старая империя, Ринсвинд. Старая, хитрая, жестокая и очень-очень богатая. Так что лишь время от времени мы обмениваемся скупыми посланиями. С помощью альбатросовой почты. И одно такое письмо пришло сегодня утром. Некий подданный императора вбил себе в голову посетить наш город. Похоже, им всецело завладела мечта побывать у нас. Только сумасшедший согласится снести все тяготы путешествия по Заворотному океану ради того, чтобы всего-навсего посмотреть на какой-то там городишко. И тем не менее. Он высадился сегодня утром. Он мог бы встретить великого героя, искуснейшего из воров или выдающегося ученого муд-

реца. Но он встретил тебя. Мало того, нанял тебя гидом. И ты, Ринсвинд, станешь у этого зрителя гидом. Ты позаботишься о том, чтобы Двацветок вернулся домой под огромным впечатлением от нашей небольшой родины. Ну, что ты на это скажешь?

– Э-э, спасибо, ваша милость, – обреченно промямлил Ринсвинд.

– Однако есть еще одно обстоятельство. Очень не хотелось бы, чтобы с нашим маленьким гостем случилось что-нибудь непредвиденное. Да помилуют нас боги, если он, к примеру, случайно умрет. Это будет бедствием для всей нашей страны, поскольку агатовый император заботится о своих подданных и может стереть нас с Диска одним мановением руки. Простым мановением. А что тогда будет с тобой, Ринсвинд?.. Мы не станем дожидаться прибытия огромного наемного флота Агатовой империи. Эти несколько недель мои слуги будут вплотную заниматься твоей персоной в надежде, что мстительные капитаны, добравшись сюда, сменят гнев на милость при виде твоего еще шевелящегося тела. Существуют определенные заклинания, которые способны помешать жизни разлучиться с телом, как бы плохо с последним ни обращались... О, вижу по твоему лицу, что на тебя наконец-то снизошло озарение.

– Аг-ха.

– Извини, не расслышал.

– Да, ваша милость. Я, э-э, обо всем позабочусь, то есть постараюсь позаботиться, я хочу сказать, попробую приглядеть за ним и прослежу, чтобы он не попал в беду.

«После чего мне можно будет наниматься жонглировать снежками в преисподней. Думаю, у меня получится», – горько проговорил он внутри своего черепа.

– Грандиозно! Насколько мне известно, между тобой и Двацветком уже установились дружеские отношения. Превосходное начало. Когда он целым и невредимым вернется к себе на родину, вот увидишь, я в долгу не останусь. Скорее всего, я даже сниму с тебя все обвинения. Спасибо, Ринсвинд. Можешь идти.

Ринсвинд решил не заикаться о том, чтобы ему вернули оставшиеся пять райну. Он осторожно попятился.

– Да, вот еще что, – спохватился патриций в тот момент, когда волшебник нащупал дверную ручку.

– Слушаю, о повелитель, – с замиранием сердца отозвался Ринсвинд.

– Надеюсь, ты не станешь помышлять о том, как бы ускользнуть от своих обязанностей и сбежать из города. По-моему, ты прирожденный горожанин. Кроме того, можешь не сомневаться, правители остальных городов будут ознакомлены с содержанием нашего разговора еще до наступления сумерек.

– Уверяю, ваша милость, такая мысль и в голову мне не приходила.

– Неужели? Тогда на твоём месте я подал бы на свое лицо в суд. За клевету.

Ринсвинд со всех ног помчался в «Порванный Барабан» и подоспел как раз вовремя, чтобы столкнуться с человеком, который решил выйти из трактира спиной вперед и очень быстро. Торопливость незнакомца отчасти объяснялась торчавшим у него в груди копьём. Издав горлом громкий булькающий звук, неудачливый клиент «Барабана» свалился к ногам волшебника.

Ринсвинд осторожно заглянул в дверь и тут же отдернулся обратно, когда мимо него, словно куропатка, просвистел тяжелый метательный топорик.

Второй осторожный взгляд подсказал Ринсвинду, что никто в него специально не целился. В темном помещении «Барабана» кипел настоящий махач, многие из участников которого уже пребывали в расчлененном виде – в этом Ринсвинд убедился с третьего взгляда, внимательно изучив окрестности поля боя. Ринсвинд шархнул от брошенной наудачу табуретки, которая, пролетев мимо, разбилась в щепки на другой стороне улицы. Пропустив очередной летящий объект, Ринсвинд ринулся внутрь.

Благодаря темному балахону, который стал еще темнее от постоянной носки и нерегулярной стирки, Ринсвинд без труда проник в трактир. В клокочущем мраке никто и не заметил неясную тень, которая шмыгала от столика к столику. В какой-то момент один из дерущихся, пошатнувшись, шагнул назад и наступил на что-то, смахивающее на пальцы. Порядочное количество чего-то, похожего на зубы, впилось ему в лодыжку. Драчун дико заорал и на мгновение отвлекся – секундной растерянности вполне хватило, чтобы шпага, выброшенная вперед его удивленным противником, проткнула растяпу насквозь, насадив его как на вертел.

Ринсвинд, посасывая ободранную руку, на полусогнутых добрался до лестницы. В перила над его головой с глухим стуком воткнулась арбалетная стрела, и волшебник тихонько заскулил.

По ступенькам он взлетел на одном дыхании, стараясь не думать о том, что следующий выстрел попадет в цель.

Наверху, в коридоре, он выпрямился. Жадно хватая ртом воздух, Ринсвинд огляделся по сторонам и обнаружил, что весь пол вокруг усеян трупами. Какой-то чернобородый здоровяк, сжимающий в руке окровавленный меч, дергал за дверную ручку одной из комнат.

– Эй! – взвизгнул Ринсвинд.

Здоровяк обернулся. Почти автоматическим движением он вытащил из-за перевязи короткий нож и метнул его в волшебника. Тот быстро пригнулся. Сзади раздался короткий вскрик, и целившийся в Ринсвинда стрелок выронил арбалет, схватившись за горло.

А чернобородый уже тянулся за другим ножом. Ринсвинд дико заозирался по сторонам, после чего, внаглую импровизируя, встал в чародейственную позу.

Вскинув руки, Ринсвинд проорал:

– Асонити! Кайорача! Безлблор!

Чернобородый замешкался, и его глаза нервно забегали по сторонам в ожидании чуда. Догадка, что чудо, скорее всего, не случится, осенила здоровяка в тот самый момент, когда Ринсвинд, неистовым вихрем промчавшись по коридору, лягнул его прямо в пах.

Пока соперник орал и хватался за раненые достоинства, волшебник проворно юркнул в комнату, захлопнул за собой дверь и, задыхаясь, привалился к ней спиной.

Внутри было тихо. На низеньком ложе мирным сном спал Двацветок. А у подножия кровати стоял Сундук.

Ринсвинд по инерции сделал несколько шагов – алчность влекла его вперед как на колесах. Сундук был открыт. Внутри лежали мешочки, и в одном из них Ринсвинд углядел блеск золота. На мгновение жадность взяла верх над осмотрительностью, и волшебник осторожно протянул руку... но что толку? Ему все равно не суждено насладиться властью золота. Он неохотно убрал руку и, к своему удивлению, увидел, что откинута крышка Сундука еле заметно затрепетала. Вроде бы она слегка изменила положение, словно ее качнуло сквозняком...

Ринсвинд посмотрел на свои пальцы, потом на крышку. Она выглядела тяжелой и была окована медными полосами. Вряд ли ее так легко захлопнуть.

Да и сквозняка никакого нет.

– Ринсвинд!

Двацветок спрыгнул с кровати. Волшебник отскочил назад, выдавливая на лицо улыбку.

– Дружище, ты как раз вовремя! Мы только пообедаем, а потом ты наверняка предложишь мне великолепную программу на сегодняшний день!

– Э-э...

– Вот и замечательно!

Ринсвинд сделал глубокий вдох.

– Послушай, – с отчаянием в голосе сказал он, – давай поедим где-нибудь в другом месте. Здесь внизу небольшая драчка случилась.

– Трактирная потасовка? Почему же ты меня не разбудил?

– Ну, видишь ли, я... Что?!!

– Ринсвинд, мне казалось, что сегодня утром я достаточно ясно выразился. Я хочу увидеть подлинную морпоркскую жизнь – рынок рабов, Шлюшьи Ямы, Храм Мелких Богов, Гильдию Попрошаек... и настоящую трактирную потасовку. – Вдруг в голосе Двацветка зазвучало подозрение. – У вас ведь такое случается? Ну, когда люди раскачиваются на люстрах, фехтуют на столах. Как раз в подобного рода потасовках обожают принимать участие Хрун-Варвар и Хорек. Как ты не понимаешь, это же так *волнующе!*

Ринсвинд тяжело опустился на кровать.

– Ты в самом деле хочешь увидеть драку? – спросил он.

– Да. А что в этом плохого?

– Ну, во-первых, посторонних в драках имеют свойство калечить.

– О, я ж не предлагаю участвовать в ней. Я просто хочу взглянуть на потасовку со стороны. Хочу посмотреть на ваших знаменитых героев. Они ведь у вас есть? Надеюсь, это не выдумки портовых сплетников? – Теперь, к удивлению волшебника, голос Двацветка звучал почти умоляюще.

– О да. Героев у нас хватает, – торопливо подтвердил Ринсвинд.

Он нарисовал в уме образы нескольких таких героев и передернулся.

Все герои Круглого моря рано или поздно заглядывали в Анк-Морпорк. Большинство из них были выходцами из варварских племен, обитающих ближе к промерзшему насквозь Пупу. Эти племена выращивали своих героев вроде как на экспорт. Почти у каждого такого воителя имелся волшебный меч весьма грубойковки, необузданные гармоники которого, распространяясь по тонкому плану, сводили на нет все точные эксперименты в области прикладного волшебства. Однако лично Ринсвинд против этого ничего не имел – героев он невлюбил совсем по другой причине. Он прекрасно понимал, что в магии он – ноль без палочки, и его ничуть не волновал тот факт, что простого появления героя у городских ворот было достаточно, чтобы по всему Кварталу Волшебников начали лопаться реторты и материализоваться демоны. Нет, что ему не нравилось в героях, так это их обыкновение быть самоубийственно мрачными в трезвом виде и человекоубийственно буйными в пьяном. К тому же героев было чересчур много. На некоторых наиболее прославленных и подвигообильных территориях в разгар сезона царило настоящее столпотворение. Поговаривали о том, что пора бы вывесить расписание явки героев на место свершения подвига.

Ринсвинд почесал нос. Единственными героями, для которых у него всегда находилось время, были Бравд и Хорек – правда, на данный момент эта парочка в городе отсутствовала. Они да еще Хрун-Варвар, который, согласно стандартам Пупземелья, считался чуть ли не академиком, поскольку умел думать, не шевеля при этом губами. Хрун, по слухам, бродил сейчас где-то по вращению от города.

– Послушай, – сказал наконец волшебник. – А ты вообще встречался когда-нибудь с варварами?

Двацветок отрицательно покачал головой.

– Этого я и боялся, – вздохнул Ринсвинд. – Видишь ли, они...

С улицы послышался топот бегущих ног. Внизу раздался дружный рев голосов – судя по всему, прибыли свежие силы. Последовала какая-то кутерьма на лестнице. Дверь распахнулась прежде, чем Ринсвинд успел собраться с мыслями и выпрыгнуть в окно.

Он ожидал увидеть обезумевшего от жадности и крови грабителя, но вместо этого обнаружил перед собой круглую раскрасневшуюся физиономию сержанта Городской Стражи. Ринсвинд снова начал дышать. Ну конечно. Стражники всегда вели себя очень осторожно и в потасовку раньше времени не вмешивались – дрались они только тогда, когда численный

перевес находился на их стороне. Кроме того, бывшим стражникам платили пенсию, так что на эту работу нанимались осторожные, вдумчивые люди.

Сержант свирепо зыркнул на Ринсвинда, а затем с интересом взгляделся в Двацветка.

– Значит, здесь все в порядке? – спросил он.

– О, все замечательно, – откликнулся Ринсвинд. – А вас, видно, задержали неотложные дела?

Сержант пропустил его насмешку мимо ушей.

– Стало быть, это и есть тот самый чужеземец? – уточнил он.

– Мы как раз собирались уходить, – быстро сказал Ринсвинд и перешел на тробский язык: – Двацветок, думаю, нам следует пообедать в каком-нибудь другом трактире. Мне известна пара местечек...

Он собрал весь апломб, на какой только был способен, и важно прошествовал в коридор. Двацветок последовал за ним. За их спинами сержант издал странный полузадушенный хрип – прямо на его глазах Сундук захлопнул крышку, поднялся на ножки и, потянувшись, отправился догонять хозяина.

Внизу стража вытаскивала из комнаты трупы. Уцелевших не было. Стражники позаботились об этом, предоставив всем выжившим возможность удрать через заднюю дверь – искусный компромисс между осторожностью и справедливостью, который выгоден всем заинтересованным сторонам.

– Что это за люди? – поинтересовался Двацветок.

– Ну, знаешь ли... Люди какие-то, – ответил Ринсвинд. Но прежде, чем он успел захлопнуть рот, некая часть его мозга, которой явно нечего было делать, захватила контроль над его языком и добавила: – Вообще-то, это герои.

– Да ну?

Если ваша нога увязла в Серых Миазмах Х'рулла, лучше не мучаться, а шагнуть в топи второй ногой и благополучно пойти ко дну. Ринсвинда понесло.

– Говорю тебе, этого зовут Эриг Силавруке, того – Черныш Зенелл...

– А Хрун-Варвар здесь? – спросил Двацветок, с энтузиазмом вертя головой.

Ринсвинд глубоко вздохнул.

– Да, вон он, у нас за спиной, – сказал он.

Эта ложь была настолько чудовищной, что расходящиеся от нее круги распространились по одному из нижних тонких планов и дошли аж до Квартала Волшебников, расположенного за рекой. Там, натолкнувшись на постоянно витающую над кварталом завесу чародейской силы, круги лжи набрали ужасающую скорость и отразились прямо за Круглое море. Одна гармоника дошла до самого Хруна, который в тот момент рубился с парочкой гноллей на узенькой тропке высоко в Кадеракских горах, и на мгновение вызвала у варвара необъяснимое смятение чувств.

Двацветок тем временем откинул крышку Сундука и торопливо вытащил на свет увесистую черную штукюину кубической формы.

– Фантастика! – воскликнул он. – Дома ни за что не поверят!

– О чем это он? – с сомнением спросил сержант.

– Радуетя, что вы нас спасли, – пояснил Ринсвинд и искоса взглянул на черную коробку, приготовившись к тому, что она либо взорвется, либо начнет издавать странные музыкальные звуки.

– А-а, – протянул сержант.

Он тоже не отрываясь смотрел на коробку.

Двацветок одарил их жизнерадостной улыбкой.

– Мне хотелось бы запечатлеть это событие. На память, – сказал он. – Ринсвинд, не мог бы ты попросить героев встать вон там, у окна? Это не займет много времени. И... э-э... Ринсвинд?

– Да?

– Полагаю, тебе известно, что это такое? – прошептал ему на ушко Двацветок, встав на цыпочки.

Ринсвинд уставился на коробку. У нее имелся круглый стеклянный глаз, зияющий посредине одной из сторон, и рычажок сзади.

– Не сказал бы, – признался он.

– Это приспособление для быстрого изготовления картинок, – объяснил Двацветок. – Сравнительно недавнее изобретение. Я весьма горжусь им, но, понимаешь ли, боюсь, что эти джентльмены станут... э-э, я имею в виду, они, может, будут... ну, вроде как возражать. Ты не мог бы разъяснить им, что к чему? Разумеется, я оплачу их потерянное время.

– В этой коробке сидит демон, который рисует картинки, – коротко перевел Ринсвинд. – Делайте, что говорит этот псих, и он даст вам золота.

Стражники нервно улыбнулись.

– Ринсвинд, я хотел бы, чтобы ты тоже был запечатлен на картинке. Вот так, прекрасно.

Двацветок вытащил уже знакомый волшебнику золотой диск, прищурившись взглянул на поверхность кругляша, потом пробормотал: «Думаю, тридцать секунд будет в самый раз», – и оживленно скомандовал:

– Улыбнитесь, пожалуйста!

– Улыбайтесь, – прохрипел Ринсвинд.

Из коробки раздалось жужжание.

– Готово.

Высоко над Дисксом парил второй альбатрос. Он летел так высоко, что его безумные оранжевые глазки видели весь Плоский мир – и даже все огромное, сверкающее Круглое море. К одной из ног птицы была привязана желтая почтовая капсула. Далеко внизу, невидимый за облаками альбатрос, доставивший патрицию Анк-Морпорка первое письмо, неторопливо взмахивал крыльями, возвращаясь домой.

Ринсвинд изумленно смотрел на маленький стеклянный квадратик. Это действительно он – крошечная фигурка, совсем такая, как в жизни. Стоит на фоне группы стражников, лица которых сведены перекошенными от страха ухмылками. Толпящиеся вокруг Ринсвинда люди вытянули шеи, заглядывая ему через плечо, и загудели в бессловесном ужасе.

Ухмыляющийся Двацветок извлек из кошелька пригоршню мелких монеток по четверти райну и подмигнул волшебнику.

– У меня были похожие проблемы, когда я останавливался на Коричневых островах, – сообщил он. – Тамошние жители посчитали, что иконограф крадет у них частичку души. Это ж смех, да и только!

– Аг-ха, – отозвался Ринсвинд, а потом, поскольку одного «аг-ха» было как-то маловато для поддержания разговора, добавил: – Однако, по-моему, я здесь не очень на себя похож.

– Обращаться с ним очень легко, – продолжал Двацветок, пропуская его замечание мимо ушей. – Смотри, тебе нужно всего-навсего нажать на этот рычажок. Все остальное иконограф сделает сам. Сейчас я встану вот здесь, рядом с Хруном, а ты снимешь меня на картинку.

Монеты непонятным, ведомым только золоту образом успокоили возбуждение собравшихся, и через полминуты Ринсвинд с удивлением обнаружил, что держит в руке миниатюрный стеклянный портрет Двацветка. Маленький турист размахивал огромным зазубренным мечом и улыбался так, словно сбылись все его мечты.

Они пообедали в небольшой харчевне рядом с Медным мостом; Сундук все это время просидел под столом. Еда и вино, значительно превосходящие по качеству то, чем обычно

довольствовался Ринсвинд, помогли волшебнику отчасти расслабиться. Все не так уж и плохо, решил он. Чуть-чуть изобретательности, немножко смекалки – вот и все, что нужно.

Двацветок, казалось, тоже о чем-то размышлял.

– Видно, трактирные потасовки довольно обычная вещь в этих краях... – задумчиво глядя в кубок, сказал он.

– О, очень даже обычная.

– И, наверное, постоянно страдает мебелировка, бьется утварь?

– Мебли... а, понял. Ты имеешь в виду лавки и все такое прочее. Да, скорее всего.

– Это, должно быть, очень огорчает трактирщиков?

– Я как-то никогда об этом не думал. По-моему, это их профессиональный риск.

Двацветок задумчиво посмотрел на волшебника.

– Здесь я, возможно, смогу помочь, – сообщил он. – Риск – это мое ремесло. Послушай, тебе не кажется, что пища чуть-чуть жирновата?

– Ты сам сказал, что хочешь попробовать типичную морпоркскую еду, – напомнил Ринсвинд. – Так что ты там говорил насчет риска?

– О, про риск я знаю все. Это моя работа.

– Я так и думал, что ты произнес именно эти слова. В первый раз я им тоже не поверил.

– Нет, лично я риску никогда не подвергаюсь. Пожалуй, самое захватывающее приключение в моей жизни случилось со мной, когда я опрокинул чернильницу. Нет, я *оцениваю* риск. Изо дня в день. Тебе известно, какова вероятность того, что в квартале Красного Треугольника в Бес Пеларгике случится пожар? Один к пятистам тридцати восьми. Это я сам сосчитал, – с оттенком гордости добавил он.

– За... – Ринсвинд попытался подавить отрыжку. – Зачем? Пр'сти.

Он подлил себе еще вина.

– Затем, чтобы... – Двацветок внезапно умолк. – Я не могу передать это на тробском, – объяснил он. – По-моему, у тробцев нет такого слова. На моем языке это называется...

Он выдал набор чужеземных слогов.

– «Страх-и-в-ванне», – повторил Ринсвинд. – Вот чудное слово. И что оно значит?

– Ну, допустим, у тебя есть судно, груженное, скажем, золотыми слитками. Оно может попасть в шторм или подвергнуться нападению пиратов. Ты не хочешь, чтобы это случилось, и поэтому берешь «пол-лисы» для «страх-и-в-ванне». На основе прогнозов погоды и данных о пиратстве за последние двадцать лет я вывожу вероятность того, что груз пропадет, затем прибавляю кое-что, а потом ты платишь мне некоторую сумму, рассчитанную на основе этой вероятности...

– ...И кой-чего... – подчеркнул Ринсвинд, торжественно подняв палец.

– После этого, если груз действительно пропадает, я возмещаю тебе убыток.

– Возмечтаешь?

– Плачу тебе стоимость груза, – терпеливо растолковал Двацветок.

– А, понял. Это нечто вроде пари, да?

– Пари? Ну, чем-то похоже.

– И ты зарабатываешь деньги этим «страхом-и-в-ванне»?

– Конечно. Это дает проценты с вкладов.

Ринсвинд, нежась в теплом желтоватом сиянии, которым его окутало выпитое вино, попытался представить себе «страх-и-в-ванне» в терминах Круглого моря.

– По-моему, я не понимаю этот «страх-и-в-ванне», – твердо сказал он, лениво наблюдая за плывущей перед глазами обстановкой. – Вот магия – это да. Магию я понимаю.

Двацветок усмехнулся.

– Магия – это одно, а «отраженный шум подземного духа» – другое, – сказал он.

– Чево?

- Что?
- Што это за п'тешное слово ты сказал? – нетерпеливо переспросил Ринсвинд.
- «Отраженный шум подземного духа»?
- Никогда о таком не слышал.
- Двацветок попытался объяснить.
- Ринсвинд попытался понять.

Весь день они бродили по той части двуединого города, что располагалась по вращению от реки. Двацветок, на шее у которого висела на ремешке странная коробка для картинок, возглавлял шествие. Ринсвинд тащился сзади, время от времени поскуливая и проверяя, на месте ли его голова.

Вслед за ними пристроились еще несколько личностей. Жители города, в котором мирное течение жизни регулярно нарушалось публичными казнями, дуэлями, драками, распрями волшебников и необычными происшествиями, довели профессию любопытствующего прохожего до вершин совершенства. Все они, как на подбор, были высококвалифицированными зеваками. Одним словом, Двацветок с восторгом делал картинку за картинкой, запечатлевая людей, занятых, как он это называл, типичной деятельностью. Поскольку вслед за этим монета в четверть райну, как правило, меняла владельца, компенсируя «причиненное беспокойство», то вскоре за Ринсвиндом и Двацветком выстроился целый хвост ошеломленных и счастливых новоиспеченных богачей, надеющихся, что этот псих-чужестранец в конце концов взорвется и на землю прольется настоящий золотой дождь.

Торопливо собранный в Храме Семирукого Сэка совет жрецов и специалистов по ритуальной пересадке сердца пришел к заключению, что возвышающаяся на сотню пядей статуя бога представляет собой слишком значительную святыню, чтобы делать из нее магическую картинку. Однако плата в два райну буквально ошеломила их и заставила согласиться с тем, что Он, Сек, возможно, не так уж и свят.

Продолжительная сессия в Шлюшых Ямах породила на свет большое количество цветных и очень поучительных картинок, ряд из которых Ринсвинд припрятал за пазуху для дальнейшего детального изучения частным образом. По мере того как из его головы улетучивались винные пары, волшебник начал серьезно задумываться над принципом работы иконографа.

Даже маги-недоучки знают, что некоторые вещества очень чувствительны к свету. Может, стеклянные пластинки обрабатываются при помощи некоего волшебного процесса, которой замораживает проходящий сквозь них свет? Во всяком случае, имеет место быть нечто в этом роде. Ринсвинд и прежде догадывался, что магия – не самая могущественная в мире вещь. Обычно его догадки не подтверждались, и он оставался весьма огорченным.

Тем не менее он все чаще и чаще обращался к Двацветку за позволением поорудовать коробкой. Чужестранец с превеликой охотой доверял ему иконограф, поскольку таким образом сам мог присутствовать на картинках. Тогда-то Ринсвинд и подметил некую странность. Тот, в чьих руках оказывается коробка, приобретает мистическую власть: каждый, кто предстает перед гипнотическим стеклянным глазом, покорно повинуетесь самым бесцеремонным приказам насчет позы и выражения лица.

Катастрофа разразилась в тот момент, когда Ринсвинд был занят изготовлением картинок на Площади Разбитых Лун.

Двацветок позировал рядом с обалдевшей торговкой амулетами, а толпа его новообретенных почитателей с интересом следила, не выкинет ли он какой-нибудь потешно-сумасшедший фортель.

Ринсвинд опустил на одно колено, чтобы получше разместить всех на картинке, и нажал на волшебный рычажок.

- Ни фи́га не выйдет. У меня кончилась розовая краска, – произнесла вдруг коробка.

Перед глазами Ринсвинда распахнулась незамеченная им прежде дверка. Оттуда высунулась маленькая, зеленая, покрытая ужасающими бородавками человекообразная фигурка, ткнула когтем в заляпанную красками палитру, зажатую в лапе, и принялась орать.

– Нету розового! Видишь? – верещал гомункулус. – И чего толку жать на рычажок, когда розовой краски нет? А коли тебе хотелось розового, нечего было делать те картинки с молодыми дамами! Все, приятель, переходим на черно-белый цвет. Усек?

– Усек. А то как же. Отчего ж не перейти? – согласился Ринсвинд.

Ему показалось, что он разглядел в одном из темных уголков коробки мольберт и крошечную неубранную постель. Ринсвинд понадеялся, что это ему только показалось.

– Ну, раз ты все усек, тады пока, – огрызнулся уродец и хлопнул дверью.

Ринсвинду померещилось приглушенное ворчание и скрип передвигаемого по полу стула.

– Двацветок... – начал было он, поднимая глаза.

Двацветок исчез. Ринсвинд вытаращился на толпу, ощущая, как по спине путешествуют войска неприятных мурашек. Что-то мягко ткнуло его в поясницу.

– Повернись. Только не делай резких движений, – прошуршал, словно черный шелк, чей-то голос. – А не то распрощаешься со своими почками.

Толпа с интересом следила за действием. Судя по всему, денек сегодня выдался тот еще.

Ринсвинд медленно повернулся, чувствуя, как кончик шпаги скребет по его ребрам. В человеке, находящемся на другом конце клинка, он узнал Стрена Визеля – вора, жестокого рубаку, кандидата на звание худшего человека в мире.

– Здравсьте, – выдавил волшебник.

Он заметил, что в нескольких ярдах пара несимпатичного вида личностей, откинув крышку Сундука, возбужденно тычет пальцами в мешочки с золотом. Визель улыбнулся. Улыбка на его изрезанном шрамами лице производила поистине устрашающее впечатление.

– Я тебя знаю, – сообщил он. – Волшебник подзаборный. Что это у тебя за хреновина?

Ринсвинд вдруг осознал, что крышка Сундука легонько подрагивает, хотя никакого ветра не было и в помине. Он опустил взгляд и обнаружил, что по-прежнему сжимает в руках иконограф.

– Это? Оно картинку делает, – жизнерадостно объяснил он. – Да, да, улыбайся вот так! Сейчас, сейчас...

Он быстренько отступил и нацелил коробку.

Визель на мгновение заколебался.

– Чего-чего?! – переспросил он.

– Во, замечательно, так и стой... – приказал Ринсвинд.

Вор еще немного помедлил, а потом, зарывав, занес шпагу для удара.

Сзади раздались громкий лязг и дуэт ужасающих воплей. Ринсвинд не стал оглядываться из страха перед жуткими вещами, которые он мог увидеть. К тому времени, как Визель снова начал его искать, он очутился уже на другой стороне площади. Взяв ноги в руки, Ринсвинд набрал ход.

Альбатрос снизился, закладывая широкие медленные круги, которые закончились недостойным трепыханием перьев и шлепком, когда он тяжело плюхнулся на свою платформу в птичьем садике патриция.

Смотритель садика, мирно дремавший на солнышке, едва ли ожидал, что новое межгосударственное послание придет так скоро – ведь прошлая депеша была доставлена не далее как этим утром. Он рывком вскочил и взглянул вверх.

Несколько минут спустя он торопливо пробирался по коридорам дворца, сжимая в ладони почтовую капсулу и – поспешность чревата небрежностью – посасывая ободранное запястье, сильно пострадавшее от клюва альбатроса.

Ринсвинд, не обращая внимания на доносящиеся из коробки яростные вопли, с топотом промчался по переулку и перемахнул через высокий забор. Дранный балахон взметнулся вокруг него подобно перьям взъерошенной галки. Приземлился Ринсвинд во дворе лавки ковровщика, расшвыряв в стороны товар и клиентов, после чего, рассыпая по пути извинения, шмыгнул в заднюю дверь, пронесся по другому переулку и вовремя затормозил, угрожающе нависнув над мутными водами Анка, куда чуть не ввалился с разбегу.

Говорят, существуют мистические реки, капля воды из которых способна лишить человека жизни. Протекающий сквозь двуединый город Анк очень напоминал одну из таких рек.

Раздававшиеся вдали разъяренные вопли заглушил крик отчаянного ужаса. Ринсвинд огляделся по сторонам, отыскивая лодку. Хотя бы какой-нибудь выступ на отвесных стенах, которые возвышались по обе стороны от него...

Он очутился в ловушке.

В его мозгу нежданно-негаданно начало подниматься Заклинание. Сказать, что Ринсвинд его выучил, было бы неправильно; скорее, оно выучило его. Именно этот эпизод привел к тому, что волшебника с позором выставили из Незримого Университета: воспользовавшись тем, что университетский библиотекарь отвлекся, Ринсвинд на спор осмелился заглянуть в последний сохранившийся экземпляр Октаво, магического трактата, гримуара, принадлежавшего самому Создателю. Заклинание соскочило со страницы и немедленно зарылось глубоко в мозг Ринсвинда, откуда его не смогли выманить даже объединенные усилия светил факультета волшебной медицины. Какое именно это было заклинание, они тоже не смогли уточнить, объявив во всеуслышание только то, что оно входило в состав восьми основных заклинаний, которые вплетены в саму ткань пространства и времени.

С тех пор Заклинание выказывало дурную склонность ловить момент, когда Ринсвинд чувствовал себя подавленным или загнанным в угол, и пытаться произвестись.

Он крепко сжал зубы, но первый слог все же протиснулся сквозь уголок его рта. Левая рука волшебника непроизвольно взлетела вверх и, повинувшись вихрю магической силы, начала испускать октариновые искры...

Сундук стремительно вылетел из-за угла; несколько сотен его коленок работали, как поршни.

У Ринсвинда отпала челюсть. Заклинание skonчалось произнесенным.

Сундуку, казалось, ничуть не мешали ни узорчатый ковер, залихватски перекинутый через крышку, ни вор, чья рука застряла внутри. Мертвый груз в самом прямом смысле этого слова. Также из-под крышки торчали огрызки двух пальцев, отхваченных у неведомого грабителя.

Сундук затормозил в нескольких футах от волшебника. На миг замерев, ходячий ящик поджал ноги и опустился на землю. Ринсвинд не заметил у Сундука глаз, но тем не менее пребывал в полной уверенности, что эта штукавина на него смотрит. Выжидающе.

– Кыш, – слабо велел волшебник.

Сам Сундук не шелохнулся, однако крышка его со скрипом откинулась, высвобождая мертвого вора.

Ринсвинд вспомнил про золото. Видимо, Сундук должен иметь хозяина. Может, за отсутствием Двацветка он выбрал его, Ринсвинда?

Начинался отлив, и в желтом послеполуденном свете в сторону шлюза, расположенного в каких-то ста ярдах ниже по течению Анка, плыл разнообразный мусор. Присоединить к нему

бездыханное тело вора – секундное дело. Даже если труп потом найдут, вряд ли это вызовет пересуды. Да и акулы, обитающие в устье Анка, привыкли к регулярным, плотным обедам.

Ринсвинд смотрел, как вор медленно уплывает прочь, и обдумывал свой следующий шаг. Сундук, наверное, сможет держаться на воде. Все, что нужно сделать, – это подождать до темноты, а потом вместе с отливом отправиться вниз по реке. В нижнем течении Анка есть множество необжитых мест, где можно выйти на берег и... Что ж, если патриций действительно сообщил о Ринсвинде всем остальным правителям, то смена одежды и бритва разрешат эту проблему. Во всяком случае, есть и другие страны, а способностями к языкам Ринсвинд не обделен. Дайте ему только добраться до Химеры, Гонима или Теавыбена – и полдюжины армий не смогут привести его обратно. А потом – богатство, безопасность, комфорт...

Но вот как быть с Двацветком? Ринсвинд позволил себе на минутку взгрустнуть.

– Ну, могло быть и хуже, – сказал он, как бы прощаясь. – На его месте мог оказаться я.

Он уже собрался было тронуться в путь, но тут обнаружил, что его балахон за что-то зацепился.

Вывернув шею назад, он установил, что край его одеяния зажат крышкой Сундука.

– А, Горфаль, – любезно кивнул патриций. – Заходи. Садись. Не желаешь ли отведать засахаренной морской звезды?

– Я полностью в вашем распоряжении, повелитель, – спокойно отозвался старик. – За исключением, пожалуй, тех случаев, когда речь заходит о вяленых иглокожих.

Патриций пожал плечами и ткнул пальцем в лежащий на столе свиток.

– Прочти, – распорядился он.

Горфаль взял пергамент в руки и, увидев знакомые идеограммы Золотой империи, слегка приподнял одну бровь. С минуту он молча читал, после чего перевернул свиток, чтобы детально исследовать печать на обороте.

– Ты слынешь человеком, который разбирается в делах империи, – сказал патриций. – Можешь ли ты объяснить вот это?

– Познание империи заключается не столько в том, чтобы отмечать отдельные события, сколько в том, чтобы изучать определенный склад ума, – ответил старый дипломат. – Это послание любопытно, да, но ничего удивительного в нем нет.

– Сегодня утром император предписал, – патриций позволил себе роскошь нахмуриться, – предписал мне охранять этого Двацветка. Теперь, похоже, я должен приказать, чтобы его убили. Тебе не кажется это удивительным?

– Нет. Император – всего лишь ребенок. Он... идеалист. Энтузиаст. Народ его обожествляет. В то время как второе письмо исходит, если не ошибаюсь, от Девяти Вращающихся Зеркал, то есть от великого визиря. Он уже стар и за свою жизнь успел послужить нескольким императорам. Для него они – необходимая, но подчас утомительная составляющая успешного управления империей. Он терпеть не может, когда что-то или кто-то выходит из-под его контроля. Империя была построена именно для того, чтобы каждый знал свое место. Такова его точка зрения.

– Я, кажется, начинаю понимать... – протянул патриций.

– Вот именно. – Горфаль улыбнулся себе в бороду. – Этот турист забыл свое место. Я абсолютно уверен, что, выразив согласие с пожеланиями своего господина, Девять Вращающихся Зеркал тут же предпримет меры, имеющие целью не допустить, чтобы этот вот путешественник вернулся домой, привезя с собой заразу недовольства. Империя предпочитает, чтобы люди оставались там, куда она их определила. Так что будет лучше, если этот Двацветок навеки исчезнет в варварских землях. То есть здесь, ваша милость.

– И что ты посоветуешь? – спросил патриций.

Горфаль пожал плечами.

– Ничего не предпринимать. Наверняка все уладится само собой. Тем не менее, – он задумчиво почесал ухо, – может, Гильдия Убийц?..

– Ах да, – вспомнил патриций. – Гильдия Убийц. Кто там у них сейчас президент?

– Злорф Мягкоступ, о повелитель.

– Поговори с ним, хорошо?

– Слушаюсь, ваша милость.

Патриций кивнул. Так будет значительно легче. Он разделял мнение Девяти Вращающихся Зеркал: жизнь и так достаточно сложна. Людям следует оставаться там, куда их определили.

Сияющие созвездия проливали свет на Плоский мир. Один за другим торговцы закрывали ставнями окна своих лавок. Один за другим карманники, воры, джентльмены удачи, потаскушки, фокусники, рецидивисты и домушники просыпались и садились завтракать. Волшебники отправлялись по своим многомерным делам. Этой ночью должно было случиться слияние двух могущественных планет, и воздух над Кварталом Волшебников дрожал от заранее подготовленных заклинаний.

– Послушай, – сказал Ринсвинд. – Так у нас ничего не выйдет.

Он медленно двинулся в сторону. Сундук, как верный пес, последовал за ним, угрожающе приоткрыв крышку. Ринсвинд поразмыслил над возможностью перепрыгнуть через Сундук и попытаться сделать ноги. Крышка предвкусно причмокнула.

В любом случае, сказал себе Ринсвинд, ощущая, как сердце проваливается в пятки, проклятая штукавина сразу бросится в погоню. Упрямство из нее так и прет. У волшебника появилось нехорошее предчувствие, что, даже если ему удастся спереть какую-нибудь лошадь, Сундук все равно будет преследовать его. Бесконечно. Неторопливо. Переплывая реки и океаны. Понемногу нагоняя его – ведь Ринсвинду придется когда-то спать. А потом, в один прекрасный день, в каком-нибудь экзотическом городе и много лет спустя, он услышит за своей спиной топот сотен маленьких ножек. Все ближе, ближе...

– Ну что ты ко мне прицепился? – простонал он. – Я-то тут причем? Я ж его не похищал!

Сундук немного продвинулся вперед. Пятки Ринсвинда и реку разделяла узенькая полоска скользкого причала. Мгновенная вспышка озарения подсказала волшебнику, что этот ящик плавает быстрее, чем он. Ринсвинд попытался не думать о том, каково будет утонуть в Анке.

– Лично мне кажется, что он не отцепится, – непринужденно заметил тонкий голосок.

Ринсвинд опустил взгляд на иконограф, по-прежнему висящий у него на шее. Дверца была открыта. Гомункулус, прислонившись к косяку, покуривал трубку и явно развлекался, наблюдая за происходящим.

– По крайней мере, я прихвачу тебя с собой, – скрипнув зубами, пообещал Ринсвинд.

Крошка-бес вынул трубку изо рта.

– Что-что ты сказал? – переспросил он.

– Я сказал, что прихвачу тебя с собой, тысяча чертей!

– Да на здоровье. – Демон многозначительно постучал по стенке коробки. – Посмотрим, кто утонет первым.

Сундук зевнул и продвинулся еще на долю дюйма.

– Ну ладно, ладно, – раздраженно бросил Ринсвинд. – Только тебе придется дать мне время на раздумья.

Сундук медленно отступил. Ринсвинд бочком переместился на относительно безопасное место и уселся наземь, прислонившись спиной к стене. За рекой светились огни города Анка.

– Ты же волшебник, – сказал бес-живописец. – Ты наверняка придумаешь, как найти его.

– Боюсь, волшебник из меня аховый.

– Ты можешь неожиданно наброситься на похитителей и превратить их в червей, – ободряюще добавил бес, никак не отреагировав на последнее заявление Ринсвинда.

– Нет. Превращение в животных – это заклинание восьмого уровня. А я даже не закончил учебу. Я знаю только одно заклинание.

– Ну что ж, этого хватит.

– Сомневаюсь, – безнадежно возразил Ринсвинд.

– Почему? Что оно делает?

– Не могу сказать. Даже не хочу говорить об этом. Но если честно, – он вздохнул, – от заклинаний мало толку. Нужно три месяца, чтобы запомнить простейшее из них, а только ты его используешь, как оно – пшик! – и исчезло. Это самое дурацкое в магии. Ты двадцать лет тратишь на то, чтобы выучить заклинание и вызвать себе в спальню обнаженных девственниц, но к тому времени ты насквозь пропитываешься ртутными парами, а твои глаза перестают видеть, испорченные чтением старых гримуаров. Ты даже вспомнить не сможешь, зачем тебе эти девственницы понадобились.

– Мне никогда не приходило в голову взглянуть на магию с этой стороны, – признался бес.

– Послушай-ка... Это все неправильно. Когда Двацветок сказал, что у них в империи магия лучше, я подумал... подумал...

Бес выжидающе смотрел на него. Ринсвинд мысленно выругался.

– Ну, если тебе обязательно нужно знать, я подумал, что на самом деле он имел в виду не магию. Не магию как таковую.

– А что еще он мог иметь в виду?

Ринсвинд почувствовал себя по-настоящему несчастным.

– Не знаю, – признался он. – Наверное, их магия лучше нашей. И в ней есть какой-то смысл. К примеру, они, должно быть, умеют обуздывать молнии.

Бес посмотрел на Ринсвинда добрым, но жалостливым взглядом.

– Молнии – это копья, которыми сражаются друг с другом громовые великаны, – мягко напомнил он. – Установленный метеорологический факт. Их невозможно обуздать или запрячь.

– Знаю, – удрученно отозвался Ринсвинд. – Тут, конечно, мой пример подкачал.

Демон кивнул и исчез в глубине иконографа. Пару минут спустя Ринсвинд почувал запах жарящегося бекона. Волшебник сначала терпел, а потом, когда его желудок напрочь отказался выносить эту муку, постучал по стенке коробки. Бес немедленно высунул голову.

– Знаешь, я тут подумал над твоими словами... – заявил он, прежде чем Ринсвинд успел открыть рот. – Предположим, надел ты на нее упряжь, но как ты заставишь ее тянуть телегу?

– О чем ты говоришь, чума тебя задери?

– О молнии. Она же летает вверх-вниз, а тебе нужно, чтобы она двигалась вдоль земли.

Кроме того, она миглом прожжет твою упряжь.

– Плевать мне на молнию! Как я могу думать на пустой желудок?

– Ну так съешь что-нибудь. Логичный выход.

– Как? Стоит мне шевельнуться, этот проклятый ящик сразу начинает хлопать крышкой!

Сундук, как по команде, широко разинул пасть.

– Видишь?

– Чего ты боишься? Он и не думает тебя кусать, – сказал бес. – Там, внутри, есть еда. Ему лично без надобности, чтобы ты помер с голоду.

Ринсвинд всмотрелся в темное чрево Сундука. Действительно, среди кучи коробок и мешочков с золотом лежали несколько бутылок и нечто, завернутое в промасленную бумагу. Ринсвинд цинично рассмеялся и, порыскав по заброшенному причалу, нашел кусок дерева

нужной длины. Как можно вежливее он вставил доску между крышкой и ребром Сундука, а затем выудил себе один из плоских пакетиков.

В пакете содержались сухари, которые на поверку оказались твердыми, как алмазное дерево.

– 'тоб им пу'то бы'ло, – пробормотал Ринсвинд, держась за поврежденную челюсть.

– Настоящее Дорожное Питание капитана Восемьпантера, – сообщил бес, стоя в дверце коробки. – Эти сухарики спасли жизнь многим людям, очень полезны в открытом море.

– Ну да, конечно. Их что, спускают на воду вместо плотов или кидают акулам и смотрят, как те тонут? А в бутылках что? Яд?

– Вода.

– Но вода есть везде. Зачем ему понадобилось везти сюда воду?

– Доверие.

– Доверие?

– Да. Это то, чего у него не было. Не доверяет он здешней воде. Сечешь?

Ринсвинд открыл бутылку. Находящаяся в ней жидкость вполне могла сойти за воду. Вкус у так называемой «воды» был никакой.

– Ни вкуса, ни запаха, – ворчливо пожаловался Ринсвинд.

Сундук негромко скрипнул, привлекая к себе внимание, а потом медленно, с ленивой, точно рассчитанной угрозой закрыл крышку, перемалывая импровизированную распорку, точно сухую веточку.

– Ладно, ладно, – сказал волшебник. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Штаб-квартира Аймора располагалась в Падающей башне на пересечении Заиндевелой улицы и Мерзлого переулка. Близилась полночь. Одиноким охранник, прислонившись к стене, взглянул на сходящиеся планеты и от нечего делать задумался над тем, какие изменения в его судьбе может предвещать это небесное явление.

Неподалеку раздался слабый-преслабый звук, точно зевнул комар.

Охранник посмотрел на пустынную улицу и заметил, что в нескольких ярдах от него в грязи что-то блеснуло. Он поднял загадочный кругляш. Свет луны еще раз отразился от золота, и судорожный вдох охранника эхом разлетелся по безлюдному переулку.

Загадочный звук повторился, и в канаву на другой стороне улицы покатила вторая монета.

К тому времени, как охранник подобрал ее, появился третий кругляш – уже чуть подальше. Закрутившись, монетка с тихим звоном упала на землю. Золото, вспомнил охранник расхожее поверие, образуется из замерзшего света звезд. До сих пор он считал это враньем – не могут такие тяжелые штуки, как золотые монеты, естественным образом падать с неба.

В тот момент, когда охранник поравнялся с противоположным концом переулка, сверху упало сразу несколько монет. Только эти золотые лежали в мешочке, их было ужасно много, и Ринсвинд с силой опустил их на голову незадачливого телохранителя.

Придя в себя, охранник обнаружил, что смотрит в безумные глаза какого-то волшебника. Чокнутый маг поднес к его горлу обнаженный меч. Что-то темное и квадратное сжало его ногу.

Хватка неведомого существа намекала, что с охранником церемониться не будут.

– Где он? Где богатый чужеземец? – прошипел волшебник. – Быстро!

– Меня что-то схватило за ногу! Что это? – в голосе охранника прозвучала нотка ужаса.

Он попытался высвободиться. Давление на ногу усилилось.

– Лучше тебе этого не знать, – сказал Ринсвинд. – Прошу тебя, не отвлекайся. Где чужеземец?

– Не здесь! Его держат в таверне Пузана! Его все ищут! Ты ведь Ринсвинд, да? И ящик... ящик, который кусает людей... о-нет-нет-нет... пожалуй-с-ста-а-а...

Ринсвинд уже исчез. Охранник почувствовал, что державшая его незримая рука – или, если его опасения верны, крышка – ослабила хватку. Но когда он попытался подняться на ноги, нечто огромное, тяжелое и квадратное, вылетев из темноты, врезалось в него и устремилось вслед за волшебником. У этого нечто были сотни маленьких ножек.

Пользуясь своим самодельным разговорником, Двацветок пытался объяснить таинства «страх-и-в-ванне» Пузану. Жирный трактирщик внимательно слушал, а в его маленьких черных глазках что-то поблескивало.

Аймор с легкой насмешкой наблюдал за ними с другого конца стола, время от времени бросая какому-нибудь из воронов кусок со своей тарелки. Рядом взад-вперед расхаживал Визель.

– Ты слишком нервничаешь, – сказал Аймор, не отрывая взгляда от сидящей напротив пары. – Я чувствую твой страх, Стрен. Кто осмелится напасть на нас здесь? А этот подзаборный волшебник сам придет. Он слишком большой трус, чтобы не прийти. Он станет торговаться. И окажется у нас в руках. Вместе с золотом. И сундуком.

Визель сверкнул единственным глазом и ударил кулаком по затянутой в черную перчатку ладони.

– Кто бы мог подумать, что на всем Диске наберется столько разумной груши? – посетовал он. – Откуда нам было знать?

– Ты слишком волнуешься, Стрен. Уверен, на этот раз у тебя все получится, – ласково сказал Аймор.

Его помощник с отвращением фыркнул и отправился в обход зала, чтобы задать жару своим людям. Аймор продолжал наблюдать за Двацветком.

Странно, но маленький турист, казалось, совершенно не осознавал всей серьезности своего положения. Аймор несколько раз видел, как он с выражением глубокого удовлетворения осматривает комнату. Турист не переставая болтал с Пузаном, и Аймор заметил, как какой-то клочок бумаги перешел из рук в руки. Трактирщик в свою очередь вручил чужестранцу несколько монет. Странно все это...

Когда Пузан поднялся на ноги и вразвалку прошлепал мимо стула Аймора, рука главного вора, будто распрямившаяся стальная пружина, вылетела вперед и ухватила толстяка за передник.

– О чем это вы беседовали, мил человек? – негромко поинтересовался величайший вор в Анк-Морпорке.

– Ни о чем, Аймор. Частное дельце, не более того.

– Между друзьями не бывает секретов, Пузан.

– Э-э, гм. Ну, по правде говоря, я сам не успел разобраться, что к чему. Это нечто типа пари, понимаешь? – нервно объяснил трактирщик. – Мы вроде как поспорили, что «Порванный Барабан» не сгорит.

Аймор буравил его своими глазками, пока Пузан не задергался от страха и беспокойства. Тогда главный вор расхохотался.

– Вы держали пари на эту изъеденную древоточцами кучу старых бревен? – переспросил он. – Парень, должно быть, чокнутый!

– Да, но у этого чокнутого водятся денежки. Он говорит, что теперь, когда у него есть... не могу вспомнить слово, на «п» начинается, ставка, так сказать... в общем, тем людям, на которых он работает в Агатовой империи, придется раскошелиться. Если «Порванный Барабан» сгорит. Не то чтобы я надеялся, что это случится. Что он сгорит. В смысле «Порванный Барабан». Я хочу сказать, он для меня как дом родной, «Барабан» этот...

– А ты не так уж и глуп, а? – подытожил Аймор и оттолкнул трактирщика прочь.

Дверь резко распахнулась и с грохотом ударилась о стену.

– Эй, это же моя дверь! – завопил Пузан.

Потом до него дошло, кто стоит на верхней ступеньке. Он успел нырнуть под стол за долю секунды до того, как короткий черный дротик, пролетев через всю комнату, с глухим стуком впился в деревянную обшивку стены.

Аймор осторожно протянул руку и налил еще кувшин пива.

– Не хочешь присоединиться, Злорф? – ровным голосом спросил он. – И убери шпагу, Стрен. Злорф Мягкоступ – наш друг.

Президент Гильдии Убийц ловко крутанул короткую духовую трубку и тем же движением плавно опустил ее в кобуру.

– Стрен! – повторил Аймор.

Вор в черном, шипя, вложил шпагу в ножны. Однако его рука не отрывалась от рукояти, а глаза – от убийцы.

Это было нелегко. В Гильдии Убийц отбор кандидатов на повышение производился путем конкурсных экзаменов, а практика была самым важным – и, в сущности, единственным – предметом. Поэтому широкое честное лицо Злорфа было крест-накрест изрезано старыми, затянувшимися рубцами – результат многих рукопашных схваток. Впрочем, возможно, что это лицо и раньше не было таким уж красивым, – поговаривали, что профессию, в которой широко практиковались темные капюшоны, плащи и ночные прогулки, Злорф выбрал потому, что среди его предков были избегающие дневного света тролли. Люди, которые осмеливались посудачить об этом в пределах досягаемости слуха Злорфа, имели обыкновение складывать потом свои уши в шляпу.

Злорф, которого сопровождали несколько подручных, неторопливо спустился по ступенькам и, остановившись прямо перед Аймором, сказал:

– Я пришел за туристом.

– Он имеет к тебе какое-то отношение, Злорф?

– Да. Гринджо, Урмонд, взять его.

Двое убийц выступили вперед. Однако перед ними возник Стрен, и лезвие его шпаги материализовалось в дюйме от их глоток.

– Скорее всего, я успею убить только одного из вас, – процедил он, – так что посоветуйтесь между собой, кого именно.

– Подними голову, Злорф, – предложил Аймор.

Из темноты между балками вниз смотрел ряд злых желтых глаз.

– Еще один шаг, и ты уйдешь отсюда с бóльшим количеством пустых глазниц, чем пришел, – сказал главный вор. – Так что сядь, Злорф, и выпей. Давай обсудим проблему, как разумные люди. Я-то думал, у нас с тобой уговор. Вы не грабите – я не убиваю. В смысле за деньги, – добавил он после небольшой паузы.

Злорф принял предложенное пиво.

– Так в чем дело? – спросил он. – Я его убью. А потом вы его ограбите. Это вон тот забавный тип?

– Да.

Злорф уставился на Двацветка. Маленький турист ухмыльнулся ему в ответ. Злорф пожал плечами. Он редко тратил время на размышления, почему одни люди желают видеть других мертвыми. Знать, такова жизнь...

– Могу я спросить, кто твой клиент? – поинтересовался Аймор.

Злорф протестующе поднял руку:

– Умоляю тебя! Профессиональный этикет.

– Разумеется. Кстати...

– Да?

– По-моему, у меня за дверью стоит пара охранников...

- Стояла.
- И еще несколько в дверном проеме по другую сторону улицы...
- До недавних пор.
- И два лучника на крыше.

Сомнение промелькнуло по лицу Злорфа, точно последний луч заходящего солнца по плохо вспаханному полю.

От резкого удара дверь отлетела к стене, сильно попортив стоявшего рядом убийцу.

- Кончайте так обращаться с моей дверью! – взвизгнул из-под стола Пузан.

Злорф и Аймор уставились на вновь прибывшего. Вновь прибывший был толстеньким, низеньким и богато одетым. Очень богато одетым. За спиной его маячили несколько высоких, массивных фигур. Очень массивных, угрожающе выглядящих фигур.

- Кто это? – спросил Злорф.

– Я его знаю, – сказал Аймор. – Его зовут Рерпф. Он содержит трактир «Стонущая Миска» у Медного моста. Стрен, избавься от него.

Рерпф поднял унизанную кольцами руку. Стрен Визель в нерешительности остановился на полпути к двери. Несколько очень больших троллей поднырнули под притолоку и, жмурясь от света, выстроились по обе стороны от толстенького трактирщика. Похожие на мешки с мукой предплечья бугрились мускулами размером с дыню. Каждый тролль держал в руке обоюдоострый топор. Небрежно сжимая рукоять большим и указательным пальцами.

Пузан вылетел из своего укрытия; его лицо побагровело от ярости.

- Вон! – завопил трактирщик. – И уберись отсюда этих троллей!

Никто не шелохнулся. В комнате воцарилась внезапная тишина. Пузан быстро оглянулся вокруг. До него начало доходить, с кем он говорит и как говорит. С его губ сорвалось поскуливание, воспользовавшееся возможностью вырваться на свободу.

Пузан подлетел к дверям погреба как раз в тот момент, когда один из троллей лениво взмахнул рукой-окороком и его топорик, вращаясь, понесся через комнату. Грохот захлопнувшейся двери и последующий удар расщепившего ее топора слились в один звук.

- Тысяча чертей! – воскликнул Злорф Мягкоступ.

- Чего тебе надо? – спросил Аймор.

– Я представляю здесь Гильдию Купцов и Торговцев, – спокойно ответил Рерпф. – Можно сказать, защищаю наши интересы. То есть этого маленького чужестранца.

Аймор наморщил лоб.

– Прошу прощения, – перебил он. – Мне послышалось, или ты действительно упомянул Гильдию Купцов?

- И Торговцев, – подтвердил Рерпф.

За его спиной, в дополнение к еще нескольким троллям, возникла кучка людей. Их лица были смутно знакомы Аймору. Скорее всего, он видел их за стойками и прилавками. Неприятные личности – легко не заметить, легко забыть. Где-то в глубине его сознания зародилось неприятное чувство. Он подумал о том, каково придется, скажем, лисе, столкнувшейся мордой к морде с разъяренной овцой. Тем более если эта овца может позволить себе держать на службе волков.

- А могу я спросить, с каких пор существует эта... гильдия? – осведомился Аймор.

– С сегодняшнего дня, – ответил Рерпф. – Я, чтоб ты знал, вице-президент гильдии по делам туризма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.